

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

Татьяна Корниенко

Херсонеситы

Лауреаты Международного
конкурса имени Сергея Михалкова

Татьяна Корниенко

Херсонеситы

Издательство «Детская литература»

2013

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Корниенко Т. Г.

Херсонеситы / Т. Г. Корниенко — Издательство «Детская литература», 2013 — (Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова)

ISBN 978-5-08-005500-3

Больше двух тысяч лет назад на Крымском полуострове процветал могучий греческий город Херсонес. Там жил четырнадцатилетний мальчишка, не совсем обыкновенный, хотя и похожий на своих сверстников – такой же смелый, честный, спортивный, как многие молодые граждане Херсонеса. Отличался он только тем, что обладал даром ясновидения и хранил тайну, доверить которую смог лишь двадцать три века спустя нашему современнику – подростку из города Севастополя. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-005500-3

© Корниенко Т. Г., 2013
© Издательство «Детская литература», 2013

Содержание

О конкурсе	6
Херсонеситы (повесть)	7
Конец ознакомительного фрагмента.	49
Комментарии	

Татьяна Корниенко

Херсонеситы

© Корниенко Т. Г., 2016

© Рыбаков А., оформление серии, 2011

© Савченков И. Ю., иллюстрации, 2016

© Макет, составление. ОАО «Издательство «Детская литература», 2016

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»

О конкурсе

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского Фонда Культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почетным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушел из жизни. В память о нем было решено проводить конкурсы регулярно, каждые два года, что происходит до настоящего времени. Второй Конкурс был объявлен в октябре 2009 года. Тогда же был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ». В 2011 году прошел третий Конкурс, на котором рассматривалось более 600 рукописей: повестей, рассказов, стихотворных произведений. В 2013 году в четвертом Конкурсе участвовало более 300 авторов.

В 2015 году объявлен прием рукописей на пятый Конкурс. Отправить свою рукопись туда может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные произведения два состава жюри: взрослое и детское, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Лауреатами становятся 13 авторов лучших работ. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

Эти рукописи можно смело назвать показателем современного литературного процесса в его «подростковом секторе». Их отличает актуальность и острота тем (отношения в семье, поиск своего места в жизни, проблемы школы и улицы, человечность и равнодушие взрослых и детей и многие другие), жизнеутверждающие развязки, поддержание традиционных культурных и семейных ценностей. Центральной темой многих произведений является нравственный облик современного подростка.

В 2014 году издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-лист конкурсов. Эти книги помогут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

Книги серии нашли живой читательский отклик. Ими интересуются как подростки, так и родители, библиотекари. В 2015 году издательство «Детская литература» стало победителем ежегодного конкурса Ассоциации книгоиздателей «Лучшие книги года 2014» в номинации «Лучшая книга для детей и юношества» именно за эту серию.

Херсонеситы (повесть)

Предчувствие беды пришло с утра. Дохнуло и проступило холодным потом как раз в тот момент, когда Дионисий протянул руку над алтарем Геракла, чтобы положить на него несколько зерен пшеницы. Так он делал всегда, даже после уверений матери, считавшей, что герою-покровителю больше нравятся хлеб и вино, а зерна склевывают птицы. Но хлеб и вино каждое утро жертвовал отец. А Геракл столь велик – почему бы ему не забирать зерна таким необычным способом?

Предупреждениями пренебрегать не стоило. Дионисий замер перед изваянием героя, особо почитаемого в семье отца, Гераклеона. Замер, как стоял – с протянутой к алтарю рукой. Кровь застучала в висках, дыхание участилось, закружилась голова.

Способности сына до сих пор пугали мать – Алексию. Пугали, когда шестилетний Дионисий прибежал к ней на женскую половину, в гинекей, рассказать, о чем они поговорили с недавно умершим старшим братом. Пугали и теперь, после его четырнадцатилетия. «Наш мальчик ходит одними дорогами с Аидом^[1]», – шептала она мужу. Об особенностях единственного в семье сына говорить было не принято, но, несмотря на запретность темы, к мальчику прислушивались. И первый же совет – не отправлять добытое трудом и потом зерно нанятым кораблем – принес ощутимую выгоду. Корабль канул в бурном Понте^[2] а тысячи амфор, полных золотистой пшеницы, были погружены в Керкинитиде^[3] и выгружены в Херсонесе^[4] из трюмов более благополучного судна.

После занявшегося, но ожидаемого, а потому так и не разгоревшегося пожара Дионисий почувствовал, что отношение к нему изменилось. Высокий, сильный и обычно веселый отец

в присутствии сына подбирался, становился излишне сдержанным. То же самое происходило и с Алексией. Но глаза матери по-прежнему излучали любовь и гордость своим Дионисием, умеющим рассуждать не по возрасту здраво.

Три лета назад у него, проводившего все свое время в обществе младшей сестры Дайоны и нескольких малолетних рабов, живущих в угловой башне усадьбы, появился друг.

15 мин + ▣ ▣ ▣

В тот день они с отцом зашли в храм Деметры^[5], благоволящей всем, чей труд был связан с землей. Колосья пшеницы отяжелели, приобрели зрелый цвет. Для сбора богатого урожая требовалось время, и Гераклеон хотел, чтобы в тот миг, когда Громовержец решит обильными дождями охладить раскаленную, словно жаровня, Таврику^[6], добрая богиня замолвила словечко. Статуэтка быка, которую Гераклеон собирался положить на обвитый беломраморной змеей жертвенник, служила гарантией того, что занятая своими трудами Деметра не забудет о просьбе.

Дионисий был рядом и с интересом наблюдал за принесением жертвы, надеясь как-нибудь узнать, понравилась ли статуэтка Деметре. Поэтому не обращал внимания на людей и звуки, но, почувствовав укол чужого взгляда, обернулся.

Старик в жреческом одеянии стоял за спиной. Дионисию вдруг стало радостно и тревожно: в мире оказался еще кто-то, умеющий Слышать и Видеть.

«Подойди!»

Приказ прозвучал властно, и мальчик, не раздумывая, направился к жрецу.

«Ты меня слышишь? Отвечай».

Губы старика оставались неподвижными, но Дионисий быстро кивнул и повторил вслух:
– Да, я слышу тебя.

Обернулся отец. Увидев жреца, почтительно склонил голову, хотел что-то сказать, но старик остановил его жестом:

– Хайре, Гераклеон. Ты пришел к Деметре, так и продолжай беседовать с богиней. А мне позволь поговорить с твоим сыном. – Затем развернулся, приказав на ходу: – Следуй за мной, мальчик.

Подобрав складки гиматия¹, он с трудом опустился на широкую скамью, и Дионисий понял, что жреца мучает боль в искривленной старостью и болезнями спине. Даже увидел ее, пульсирующую, привычную, и, не умея еще сдерживаться, протянул руку.

– У тебя болит здесь и здесь. То, что у всех людей ровное, у тебя скрючено и мешает движению.

Старик согласно кивнул:

– Верно. После удара моя спина утратила былую ровность и нещадно ноет... А в тебе я не ошибся. Как зовут тебя, сын Гераклеона?

– Дионисий.

– Отец не говорил мне о твоих умениях. Он мудр... Каков твой возраст?

– Боги дали меня матери одиннадцать лет назад.

– Хороший возраст.

¹ Гиматий – кусок льняной или шерстяной ткани, скрепленный булавкой на левом плече. Другой конец свисал на спину. Гиматий надевали и мужчины, и женщины, выходя из дома на улицу.

– Почему хороший?

Дионисий удивился: ему нравилось жить и в шесть, и в восемь лет...

– Ты уже достаточно созрел для серьезных дел, но все еще остаешься пластичным, как глина, – непонятно пояснил старик, но Дионисий уловил его удовлетворение. – И у тебя хороший нрав, – многочисленные морщины неожиданно сложились в улыбку. – Мое имя Епифаний. Я жрец этого храма и служу Деметре.

Дионисий осторожно кивнул. Как вести себя с тем, кто умеет проникать в самую сердцевину твоих мыслей и желаний, он пока не знал.

– Давно ли ты разговариваешь с богами? – приглушенно поинтересовался Епифаний.

Все слова, составляющие вопрос, Дионисию были знакомы, но он уловил какой-то особый смысл в их сочетании и промолчал, чуть приподняв и опустив плечи.

– Не понимаешь... Мал еще. Ладно, спрошу проще: давно ли ты умеешь слышать без слов и видеть без света?

Этот вопрос был понятен. Чуть подумав, Дионисий ответил:

– Всегда. Сначала я считал, что даже варвары² умеют то же, что умею я. Однажды вечером в доме должен был начаться пожар, но люди ходили, разговаривали, работали, ели... Я спросил у матери, почему все так спокойны? Она удивилась: «Разве, Дионисий, мы должны волноваться?» Тогда я понял, что другие глухи и слепы.

– Сложно судить обо всех, мальчик. И выводы твои – пока лишь выводы ребенка. Но в основном ты прав. Когда-то давно люди были одинаково зрячи, но боги прогневались на них. С тех пор тех, кто умеет заглянуть в суть вещей, осталось немного. Это огромное счастье, что я нашел тебя. И что о даре твоём известно лишь близким. Таким ты нужен мне. Нужен больше, чем другим – хороший прорицатель!

Епифаний замолчал, глядя старчески блеклыми глазами куда-то внутрь себя. Вероятно, раздумья увели его далеко, и Дионисий понял, что сейчас лучше помолчать. К тому же старик говорил загадками. Неожиданно громкий вопрос заставил мальчика вздрогнуть.

– Ты образован?

² Варвары – народы негреческого происхождения либо находящиеся на более низкой ступени культурного развития. (В это понятие не вкладывался уничижительный смысл.)

– Я знаю счет, читаю, пишу и умею играть на кифаре, – гордо сообщил Дионисий.

В усадьбе лишь он умел так много, не считая, конечно, отца.

– Кто твой грамматист?

– Наша усадьба слишком далека от Керкинитиды, поэтому у меня нет наставника. Счету и письму меня обучил отец, а мама – игре на кифаре.

– Что ж, посмотрим, как они преуспели! – хмыкнул Епифаний и потребовал сосчитать, сколько колонн в пронаосе³ храма Деметры.

Шепотом помогая счету, Дионисий сделал необходимые вычисления и сообщил результат:

– Шесть. Шесть колонн в пронаосе.

– Что ж, твой ответ верен, и это дает мне основание надеяться, что письмо будет столь же искусным. Но это всё – только начала знаний.

– На-ча-ла? – изумился Дионисий. Он помнил, как долго пришлось ему заучивать буквы, как упорно сопротивлялись цифры сложению и вычитанию. То, в чем убеждал его Епифаний, было, по крайней мере, странно.

– Да, начала. А глубин не может представить ни один человек. Разве что боги...

– Глубин чего? – не понял Дионисий: старик говорил загадками.

– Глубин знаний, – серьезно пояснил жрец и наклонился к самому лицу мальчика. – Но пытаться должно. Вот только преуспеть дано не каждому. Тебе – дано. Если желание будет сильным, а лень укротимой, ты сможешь нырнуть в эти глубины. Хочешь?

Дионисий представил, как разбегается, зажимает пальцами нос и начинает погружение в темные воды Понта. Глубже, глубже... И впереди уже что-то видится – таинственное, зовущее. Словно и вправду нырнув, он резко вздохнул и сразу же выдохнул:

– Хочу!

– Что ж, я не сомневался в ответе.

За три года, прошедших с той первой встречи, знакомство переросло в дружбу и даже привязанность. Занятый хозяйством, отец не мог дать сыну того, что с любовью дарил старый жрец. Первое время Гераклеон волновался. Понимая, что Епифания в Дионисии привлекают необычные способности, он искал и даже почти находил в этом какой-то подвох.

Отношение к дружбе сына со жрецом изменилось после того, как, простудившись в холодный зимний день, Дионисий заболел. Ночью, когда Алексия выла над умирающим ребенком, а Гераклеон взывал к Асклепию^[7], Артемиде^[8] и всем богам Олимпа, прибежала рабыня.

– Господин, госпожа! В дом просится человек.

Через несколько мгновений ворвавшийся (насколько позволяли больные ноги и изувеченная спина) старик молча отстранил изможденную горем мать, достал крошечный сосуд и, приподняв голову бредящего Дионисия, влил содержимое в пылающее горло. Замер, прислушиваясь, затем выпрямился, утер дрожащей рукой мокрое от подтаявшего снега лицо.

– Слава богам, я успел... Теперь его жизнь вне опасности.

У Гераклеона хватило ума понять, что ночью в такую погоду выйти из-под защиты городских стен Керкинитиды мог только тот, кто жизнь другого умеет ставить в один ряд со своей. После этого все опасения по поводу странной дружбы старца и сына были отброшены.

Выздоровливал Дионисий медленно. И происходило это уже в доме Епифания: старик объяснил, что не может оставить храм, а мальчик без надлежащего присмотра на ноги поднимется не скоро.

Дом жреца располагался недалеко от храма Деметры. Он был достаточно велик, но пуст, если не считать самого Епифания и нескольких рабов, управлявшихся с нехитрым хозяйством

³ Пронаос – крытая галерея в передней части храма, перекрытие которой поддерживается колоннами.

одинокого старика. С рабами жрец вел себя так, словно это были не рабы и даже не парэки⁴, а свободные граждане. Похожее отношение к рабам было и в доме Дионисия, где рабочих рук постоянно не хватало, а покупать новых рабов было не на что. Да и незачем, поскольку «старые», получив сносное жилье и нормальное пропитание, видя, что хозяин трудится наравне с ними, на жизнь не жаловались. Не зная, как может быть по-другому, Дионисий сразу же принял мнение Епифания, заметившего при случае:

– Рабы, Дионисий, – люди. Место им определили боги так, как того потребовали законы целесообразности. Каждый из них выполняет важную и нужную работу. Это стоит уважения. Я пришел к таким выводам путем размышлений, но весь мой жизненный опыт согласен с этим. Думаю, и ты согласишься со мной.

Впервые находясь в городском доме, Дионисий сравнивал. Их усадьба всегда была шумна. С верхней точки угловой башни обозревались и обширные угодья семейного надела – клера, и равнина, по которой гуляли ветры благословенной Таврики.

Здесь башни не было вовсе, не было и птичника, и скотного двора, и тяжелого каменного тарапана, которым отец с рабами давил виноград, выращиваемый для нужд семьи. Дионисий любил наблюдать, как мутный сок ручейком бежит в огромный сосуд – пифос, горлышко которого располагалось как раз под желобом стока. Не было в доме и гинекея, где на высоких нотах звучали бы смех и кифара, где пахло бы благовониями и еще чем-то таким, отчего делалось тепло и уютно.

Еще в начале знакомства Дионисий спросил: почему старый жрец одинок?

– Твой вопрос заставляет вспоминать то, о чем хотелось бы забыть. Возможно, когда-нибудь ты услышишь от меня одну не очень веселую историю, а пока знай, что родился я не в Керкинитиде, не здесь прошла моя молодость. Я много путешествовал и однажды стал обладателем тайны, которая переломила мою жизнь, как я сейчас ломаю вот эту соломинку. С тех пор я всегда один.

Щеки Дионисия запылали.

– Епифаний! Расскажи мне о тайне! Прошу тебя!

– Однажды, во время путешествия по Египту, в храме меня заметил жрец.

– Как ты меня?

– Да. Это произошло почти так же. Его звали Кахотеп. Жрец был уже очень стар. Его душа готовилась уйти в царство мертвых. И он искал преемника. Не любого: преемник должен был уметь Видеть и Слышать.

– Ты стал этим преемником?

– Да, я стал им. Жрец завещал мне две вещи – медный сосуд и...

– Почему ты замолчал?

– То, второе, он назвал Глазом Ра. Но, да будут боги свидетелями, я не думаю, чтобы сам Кахотеп понимал, что это такое.

Дионисий подался вперед, желая спросить, но Епифаний жестом остановил его.

– Для меня этот предмет остается загадкой до сих пор. В обычное время он спит. Но едва Гелиос^[9] дотронется до него своим лучом, холодный голубой огонь зажигается внутри единственного глаза, гладкого, как поверхность озера в безветренный день.

– А сосуд?

– В нем содержится густое, словно мед, вещество. Чтобы убедиться в его силе, нужно несколькими каплями окропить камень. Результат не заставит себя долго ждать.

– Но как к Кахотепу пришли магические предметы?

– Они были ему переданы посланником богов. Но эту историю ты услышишь от меня позже.

⁴ Парэки – зависимые от Херсонеса варвары таврского населения.

– Покажи мне их, Епифаний, покажи, прошу тебя!

– Ты выбран мною из тысяч. Ты увидишь. И хвала богам, если останешься при этом счастливым!

Несколько дней Дионисий думал о странном разговоре. Потом новые впечатления, новые беседы с умным и образованным Епифанием вытеснили эти раздумья. Призрак тайны растворился в буднях. Почти. Нет-нет да и замирал Дионисий в молчаливом доме, ожидая увидеть что-нибудь необыкновенное.

Но необыкновенной, хотя и не таинственной, была лишь одна обширная комната. В нее Дионисий входил всегда с почтением, потому что именно здесь, в маленьких ступках и специальных глиняных и металлических сосудах, хозяин дома готовил снадобья, за которыми к нему приходили и днем и даже ночью, чтобы с помощью лекарств помочь богам поднять на ноги заболевшего родственника или раба. За свои отвары, порошки и настои Епифаний не требовал специальной оплаты, поэтому его уважали и монет отсчитывали по совести и достатку.

К весне кашель, сотрясавший тело Дионисия, наконец отступил. И Епифаний позволил своему пациенту выходить в город и даже приставил к нему раба, которому наказал следить за тем, чтобы мальчик не ленился развивать свое ослабленное болезнью тело. А летом подросший и окрепший Дионисий вернулся домой.

За эти непростые полгода изменилось не только тело. Епифаний нашел возможность и время давать своему ученику начала тех знаний, о которых говорил при первой встрече.

Дионисий узнал, что мир и даже боги произошли из вечного и безграничного Хаоса. Из него же появилась богиня Гея^[10] давшая жизнь всему, что окружало Дионисия. Появился Эрос^[11] вдохнувший во все живое Любовь, возник ужасный мрачный Тартар. Гея породила небо – Урана. К нему устремились высокие Горы. Широко разлилось Море...

А еще была история, геометрия, философия, звездное небо, политика, риторика... Мальчик слышал о Платоне^[12] Сократе^[13] Пифагоре^[14].

Дионисий оказался способным учеником. Науки, предназначенные для взрослых, он впитывал, как губка.

– Если ты не остановишься в своем рвении узнавать новое, со временем сможешь преуспеть в науках, – однажды задумчиво заметил Епифаний, наблюдая за развитием своего ученика.

Да, теперь Дионисий понимал, насколько его кичливое заявление об умении считать и складывать буквы в слова было самонадеянно и наивно.

Как-то вечером, когда солнечная колесница катилась за линию, отделявшую небо от земли, Дионисий задал вопрос, на который уже не раз пытался ответить самостоятельно:

– Епифаний, зачем ты учишь меня?

– Чтобы ты, приняв то, что будешь хранить так трепетно, как хранят только собственную жизнь, сумел различить, кто находится подле тебя. Зло он несет или добро, созидатель он или разрушитель.

– Но разве это не видно просто так, без наук?

– Видно. Но видеть – мало. Важно понимать.

– Зачем?

– Чтобы не допустить ошибку.

– Но если я вижу, как я могу допустить ошибку?

– Иногда глаза видят то, что им показано. Умение мыслить в таких случаях важнее умения смотреть. Вот скажи, что ты увидишь, поднявшись на башню своей усадьбы?

– Поля. Арбустум⁵. Виноградники.

⁵ Арбустум – сад плодовых деревьев, выращиваемый совместно с виноградом.

– О чем же ты думаешь, глядя на их плантажные стены, составленные из насыпанных друг на друга камней?

– Об одном и том же: зачем? В нашей усадьбе немало рабов, работает отец, но они так устают! Зачем собирать все эти камни?

– Почему же ты не спросил у него?

– Я спрашивал.

– И что Гераклеон ответил?

– Сказал, что так делали до нас и будут делать после того, как мы уплатим цену Харону.

– И ты остался неудовлетворен его ответом?

Дионисий замотал головой.

– Отец не сказал – почему.

– Как видишь, твои глаза смотрели, но причина осталась в тени. Попробуем разогнать тень светом мысли. В течение жаркого дня камни, из которых сложены плантажные стены виноградника, нагреваются. Когда же опускается ночная прохлада, на них собирается обильная роса. Роса скатывается по камням в землю, к корням кустов. Если убрать камни, винограду нечем будет поить свои листья и гроздь. Он погибнет. Вот и причина. Скажи мне, Дионисий, после такого объяснения остались ли у тебя вопросы по поводу камней?

– Нет! Никогда бы не подумал, что выяснять причины чего-либо так интересно!

– Молодец, мальчик! И здесь я в тебе не ошибся. Отбросив частности, ты ухватил самую суть.

Ощущение беды не проходило. Более того, оно стало осязаемым настолько, что Дионисий попытался *увидеть*, но из-за охватившей его тревоги ничего не получилось: сполохи огня, материнские украшения, высыпавшиеся из разбитой пиксиды, лужа оливкового масла, старый, заброшенный колодец и тени, тени, тени...

Смахнув со лба выступивший пот, он мысленно обратился к Гераклу за защитой, пересек двор с глубоким новым колодцем и цистерной для дождевой воды.

Мать он нашел в гинекее. Несмотря на раннее утро, она ткала: нелегко обеспечить полотнами и одеждой всех жителей усадьбы.

Дионисий опустил на изящный стул – климос – подле матери, дотронулся пальцами до пляшущей у станка руки.

– Мама!

В коротком оклике билась такая тревога, что Алексия тут же отложила работу и повернулась лицом к сыну:

– Дионисий? Почему ты так взволнован? Что случилось?

– Не знаю! – Он склонил голову, захотел прижаться к матери, как делал это раньше, но вспомнил, что уже считает себя взрослым. Красный оттенок стен гинекея неприятно гармонировал с тонами его видений. Дионисию стало душно. – Мама, выйдем!

– Да-да, конечно! Но мне не нравится твой вид, сынок. На, выпей! – Алексия протянула скифос с чуть подкисленной вином водой.

Дионисий сделал два жадных глотка.

Под открытым небом ему стало легче. Взглянув в блестящие озабоченные глаза матери, он засомневался, не лживы ли его опасения. Но порыв ветра, пришедший из степи, принес новую волну страха, и Дионисий, больше не раздумывая, зашептал тихо, так, чтобы не услышали рабы:

– Мама, будет беда! Я чувствую большую беду!

Готовая ко многому, Алексия тем не менее вздрогнула.

– Какую беду, Дионисий? Снова пожар?

– Нет! – Он мотнул головой так, что в шее что-то неприятно хрустнуло. – Нет... А может, да... Я не понимаю сегодня своих видений. Закат. Языки пламени. И кровь. Почему-то масло олив, потом колодец – глубокий и страшный... Мне жутко в него заглядывать. Мама, я боюсь!

Лицо Алексии побелело.

– О Дева^[15]! Мальчик мой, но, может, это лишь сон? В твоём рассказе много деталей, но мало смысла.

– Нет, мама! Сны к людям приходят ночью. Мои видения пришли, когда я стоял у алтаря Геракла.

– Но что же нам делать, если мы не знаем, чего ожидать? Ты не говорил с отцом?

– Нет, он ушел в поле без меня. Я пойду к нему теперь же.

– Мы пойдем вместе. Подожди здесь.

Через несколько минут Алексия вышла. Теперь поверх легкого хитона⁶ на ней был надет светлый гиматий, ноги обуты в сандалии. Волосы цвета спелой пшеницы собраны в узел. Дионисий засмотрелся на мать. Предчувствие беды обострило его нежность. Снова захотелось, как в детстве, ощутить на своем лице мягкую теплую ладонь.

Заметив взгляд сына, Алексия остановилась.

– Что ты так смотришь на меня, Дионисий?

– Ты самая красивая, мама!

Она зарделась, на минуту запнулась, потом, преодолев какие-то свои сомнения, шагнула к сыну и обняла за начинающие набирать мужскую силу плечи.

– Все будет хорошо!

⁶ Хитон – имевшая вид сорочки мужская и женская одежда из шерстяной или льняной ткани.

Отца они нашли на дальней делянке. Участок, доставшийся его семье по жребью, оказался не самым лучшим. Земля Таврики была плодородной, но много сил требовалось, чтобы заставить ее отдать урожай.

Издали заметив жену и сына, Гераклеон оставил рабов под наблюдением надсмотрщика-виллика и двинулся навстречу. По широкому загорелому лицу отца стекали ручейки пота, небольшая борода блестела на солнце, под кожей перекачивались мышцы. И все это было так обыденно и надежно, что Дионисий вдруг совершенно успокоился.

– Алексия! Я не ждал тебя! Что произошло? Почему у тебя такое лицо?

– Нашему сыну сегодня снова было видение, Гераклеон! Мы пришли сообщить тебе об этом.

Дионисий заметил, как сразу подобрался отец.

– Что за видение?

– Оно было неясным. Но я видел беду. Большую беду...

– Что может произойти сегодня? Небо чистое. Ветер почти утих. Лето в разгаре, и в жаровнях не зажигают огня. Какую беду нам ждать, Дионисий?

– Не знаю.

– Успокойся. Ты ошибаешься...

– Гераклеон, – перебила мужа Алексия, – вспомни, Дионисий еще никогда не ошибался.

В прошлый раз...

– Это было в прошлый раз. А сегодня ничего не произойдет. И вечером вы убедитесь в этом.

«Отец боится моих предсказаний, поэтому не хочет верить», – догадался Дионисий.

– Алексия, ступай домой. И ты, Дионисий, тоже. Сегодня отдохни.

– Хорошо, мы пойдем. Но, Гераклеон, – Алексия прижалась к мужу, – обещай нам, что ты закончишь работу засветло.

– Обещаю. – Он развернулся и на ходу крикнул: – Дионисий, загляни с Дайоной в арбустум. Там уже есть чем поживиться!

Жизнь в усадьбе не способствовала завязыванию дружеских отношений со сверстниками. Дионисий был одинок. Если не считать встреч с Епифанием, развлекала его только Дайона. Сестру Дионисий любил. Маленькая, легкая, словно мотылек, она обладала веселым нравом и почти мальчишеским характером.

Напоминание отца об арбустуме сулило нечто приятное. Дионисий даже знал, что это будет, – сливы! Среди их деревьев было одно, дававшее радостно-желтые шарики значительно раньше основного урожая. Представив, как лопаются, заливая руки сладким соком, слива, Дионисий поспешил в комнату, где, судя по тишине в доме, еще спала Дайона.

Однако он ошибся. Сестра сидела на полу в углу и старательно, закусив губу, водила острым стилосом по покрытому воском пинаксу.

Дионисий, не говоря ни слова, подошел, наклонился над предметом ее кропотливого труда. Дайона сразу же прикрыла воск ладошкой, но он успел разглядеть контуры.

– Зачем ты прячешь рисунок? Покажи. Я все равно знаю, что там!
– Нет, Дионисий. Я опасаюсь.
– Опасаешься? Чего?
– Того, что, если ты посмотришь на недоконченный рисунок, она потом не захочет возвращаться в настоящую.
– Я не понимаю тебя. Кто – она?
– Собака.
– Послушай, Дайона, а где и когда ты успела увидеть собаку?
– В Керкинитиде. Отец отправился за тобой, а я упростила взять и меня. Разве ты забыл?
– Вспомнил. Если хочешь, я ближе познакомлю тебя с Епифанием. Он много рассказывает. Тебе понравится.
– Ой, хочу! – Дайона, забыв о необходимости защищать незаконченный рисунок от посторонних глаз, вскочила, повисла у брата на шее.
Он засмеялся: девчонка!
– Подожди, мотылек! Не порхай с мысли на мысль. Мы говорили про собаку.
Дайона разжала руки, вернулась в свой угол.
– Мы с отцом шли по главной улице... Ой, мне было так страшно! Стены, стены, стены! И люди ходят между ними. Совсем не так, как в нашей усадьбе. И через городские ворота было страшно проходить. Они огромные! Я, когда их увидела, даже немного заревела. А отец говорит: «Ты чего испугалась? Эти ворота защищают город от врагов, а не от свободных граждан, Дайона». И я сразу же успокоилась.
– А собака? – напомнил Дионисий.

По опыту он знал, что, если сестра начинала о чем-то рассказывать, остановить ее было нелегко, тем более дождаться сути. Хотя говорила она хорошо, складно. Мама однажды сказала, что Дайоне боги дали таланты, и если бы она была мужчиной, то со временем стала бы похожа на своего дядю – поэта. Дядя, брат матери, жил в Херсонесе и был известным человеком.

– Ой, Дионисий! Мы шли к дому Епифания. Вдруг в стене открылась калитка, и оттуда выбежал щенок. Я, правда, тогда еще не знала, что это – щенок. Отскочила, а он – представляешь! – он подошел и лизнул мою ногу! – Дайона засмеялась и тут же с гордостью показала то место, по которому прошелся мягкий язычок. – Я наклонилась и провела рукой по его спинке. Знаешь, у этого щенка была такая мягкая шерстка. И мокрый холодный нос. Так смешно! Мне захотелось с ним поиграть, но из калитки вышел большой мальчик и забрал собаку. Дионисий, почему у нас в усадьбе нет таких?

– Не знаю. В городе собак мало. Может быть, если мы попросим отца, он нам раздобудет одну... Ну, теперь ты покажешь, что нарисовала?

– Ладно! Только гляди не очень долго.

Дионисий взял пинакс. Несмотря на семилетний возраст, глаз и рука сестры были точны. Щенок, созданный стилосом, был именно щенком, хотя и недостаточно прорисованным.

– Хорошо получилось. Даже я так не смогу, – похвалил сестру Дионисий. – Но все-таки объясни, почему мне нельзя долго смотреть на твою собаку?

– Я скажу, только ты никому больше не говори, ладно?

– Ладно, ладно... Когда ты мне скажешь, я тебе тоже кое-что скажу.

– Скажи сейчас! – вскочила Дайона. В голосе брата она расслышала намек на предстоящие приключения.

– Нет уж. Как было договорено. Сначала ты.

– Тогда слушай. Я хочу нарисовать этого щенка очень-очень хорошо. А потом пойду в храм Артемиды и попрошу, чтобы она превратила нарисованного щенка в настоящего. И тогда у нас с тобой будет собака. Как ты думаешь, Дионисий, у меня получится?

– Но, Дайона, богам нелегко превращать нарисованных собак в настоящих.

– А если я свою нарисую очень-очень точно? Ну, Дионисий, там же и работы почти не останется! Если бы я была такой всемогущей, как Артемида, то постаралась бы помочь маленькой девочке Дайоне.

Брови сестры изогнулись лукавой дугой. Дионисий улыбнулся, провел рукой по таким же, как у матери, золотистым волосам.

– Боги всемогущи, Дайона. Рисуй!

– Не сейчас. Теперь ты скажи, что обещал.

– Моя тайна попроще твоей, но... вкуснее. Сливы поспели!!

День прошел незаметно. После разговора с отцом предчувствия оставили Дионисия. Они с Дайонией беззаботно лазали по деревьям, ели чуть зеленоватые сливы, лежали в тенечке возле родника. Дайона ловила бабочек, любовалась разноцветными разводами на нежных крыльях. Дионисий провожал плывущие по небу облака, своими очертаниями напоминающие то гуся, то барана с огромными завитыми рогами, то башню, и вполуха слушал воркование сестры.

Сливы позволили пропустить дневную трапезу. Когда же солнце склонилось к горизонту, Дионисий заторопился.

К их возвращению отец был уже дома.

– Сегодня мы оставили работу раньше обычного. Близится ночь, но в нашем доме, хвала Гестии^[16], все спокойно! Я был прав: твои опасения, сын, оказались напрасны! – В голосе Гераклеона звучало плохо скрываемое удовлетворение. – Да и чего можно было ожидать? Пожара? Скифов^[17]? Но никто в последнее время не видел их отрядов в наших местах.

– Да, по-видимому, я ошибся, – пробормотал Дионисий. Напоминание об утренних видениях, излишне веселый, возбужденный тон отца возродили его предчувствия. – И все же при-

кажи рабам, охраняющим усадьбу, чтобы они сегодня были особенно внимательны. Солнце еще не село...

– Я вновь прислушаюсь к твоим советам, Дионисий, и отдам необходимые распоряжения, но только после того, как мы закончим нашу трапезу.

«Отец очень хочет, чтобы я хоть раз оказался не прав. Как я хочу того же самого!»

В этот момент что-то яркое и многочисленное, как искры костра, в полной тишине пересекло двор, влетело под навес портика, в помещения складов, исчезло в гинекее. И тут же тишину разорвал истошный вопль.

Даже в сумерках было заметно, как побелел Гераклеон: беда пришла. Такая, с которой семье не справиться.

Дионисий, оставив во дворе отца, бросился в загоревшийся гинекей.

Сотни стрел с пылающей паклей подожгли дом почти мгновенно. Уже что-то рушилось, на скотном дворе бились и блеяли овцы, из оказавшейся бесполезной башни раздавались крики, стоны. Невыносимо выла женщина. Дионисий, знавший голос матери, мысленно поблагодарил богов, что этот нечеловеческий вой не принадлежал ей.

За стенами ржали лошади, слышалась чужая, рвущая уши и раздирающая душу речь – кто-то отдавал приказы. Наверное, они исполнялись в точности, потому что во двор полетели камни. Их было много, и Дионисий успел подумать, что под таким градом покинуть горящий дом будет непросто.

Алексия металась по комнате, тщетно пытаясь погасить разгоравшееся пламя. Ее хитон вспыхнул, но Дионисий, схватив не замеченную матерью трехручную гидрию, плеснул водой, одновременно оттолкнув от занявшегося ткацкого станка деревянный кли́мос.

– Мама, мы должны отсюда уходить. Горит весь дом!

Алексия вскрикнула, безумными глазами посмотрела на сына.

– Где твоя сестра? Где Дайона?

– Не знаю! Гинекей загорелся первым. Я бросился к тебе. Это скифы, мама! Я слышал их речь и ржание коней! Беги за мной!

Он потянул ее за руку. Алексия бросилась за сыном, но, запутавшись в складках хитона, упала. Вскрикнула от боли. Вскочила. Снова упала.

– Мама!

– Моя нога!.. Поздно...

Алексия потянулась к глиняной шкатулке. Та, выскользнув из дрожащей руки, разбилась. На пол посыпались нехитрые материнские украшения.

«Пиксида! Разбитая пиксида! Все так, как в моем видении!»

Дионисий упал на колени, пытаясь помочь матери. Но Алексия вытащила из лежащих комком пряжек, застежек, серег простое ожерелье, сделанное из ракушек-гребешков и костяных бляшек камбалы.

– Сыночек, беги без меня. Найди Дайону, спасайтесь вместе! В Херсонес бегите. Там твой дядя, мой брат – Актеон. Это ожерелье он сделал своими руками, когда мы были еще маленькими. По нему он узнает тебя. Ну же, Дионисий!

– Нет, мама, нет! Только с тобой!

– Моя нога повреждена. Мы встретимся позже. Обязательно встретимся. А сейчас выполни мою просьбу. Дайона где-то в доме. Помоги ей. И нам с отцом помоги: мы будем спокойны, зная, что наши дети в безопасности. Ты выполнишь мою просьбу, Дионисий?

Он молчал. Холодный голос внутри подсказывал, что все, о чем говорит мать, – неправда. Что эти минуты – последние. И больше он не обнимет ее, не услышит любимого голоса. Теряя драгоценные мгновения, Дионисий стоял, глядя на мать. Пламя, вопли, треск рухнувших где-то перекрытий – все это было, но словно во сне.

Алексия, забыв о боли, выпрямилась и с размаху ударила сына по щеке.

– Ну же, раскисший мальчишка! Очнись и беги! Спасай сестру. Ты отныне несешь ответственность за ее жизнь!

Пощечина и приказ подействовали, Дионисий приник к матери:

– Я люблю тебя, мама, – и, до крови закусив губу, чтобы не закричать, не оглянувшись, выбежал из гинекея.

Комната сестры находилась рядом, но Дайоны в ней не было. Не было ее и в других комнатах, и в трапезной. Не замечая летящих камней, стрел, Дионисий метался по дому. Кто-то страшно закричал в кладовой, и мальчик бросился туда.

Кричал отец. Рухнувшее перекрытие придавило его к полу. Он скреб содранными в кровь пальцами плиты, покрытые чем-то скользким.

– Масло! Отец, это масло! – закричал Дионисий, понимая, насколько опасно, когда столько масла находится рядом с огнем.

Сквозь уходящее сознание Гераклеон разглядел сына и успел крикнуть:

– Немедленно убирайся!

Масло, достигнув огня, вспыхнуло.

Больше ничего не соображая, не отдавая отчета в своих действиях, Дионисий пошел по дому, поочередно заглядывая туда, куда еще можно было заглянуть. После того как на его глазах погиб отец, после приказа матери в сознании засело одно – найти и спасти Дайону.

Не понимая, что делает, он шагнул в только что выбитую калитку прямо под ноги гарцующей лошади. Всадник в пластинчатом панцире – страшный, огромный, скалящийся из-под глубокого шлема, – занес для удара копьё, но пущенная из продолжавшей обороняться башни стрела, пролетев совсем рядом с лицом, отвлекла его внимание. Рука не опустилась.

В этот момент кто-то крикнул:

– Беги!

– Епифаний?!

– Беги!

Появление учителя и друга придало силы. Дионисий рванулся за растворившейся во тьме фигурой. На его счастье, всадник, заметив, что целил в мальчишку, не стал устраивать погоню. Добежав до арбустума, Дионисий, почти ничего не видя перед собой, уткнулся в спину резко остановившегося старика.

– Стой!

Епифаний задыхался. Долгий бег был не под силу человеку с нездоровым сердцем и слабыми от болезней и старости ногами. Упав в траву, он прохрипел:

– Сядь!

Теперь, когда не надо было решать самому, когда рядом оказался взрослый, умудренный жизнью человек, вернулось осознание происходящего. Дионисий почувствовал, что его руки сжимают какой-то предмет, поднес его к лицу и в тусклом свете Селены^[18] увидел ожерелье матери. Порыв бежать обратно предупредила рука Епифания.

– Дионисий, остановись. Ты уже ничем никому не поможешь.

– Нет, нет, пусти! Там мама! Она просила отыскать Дайону. Я обещал, я должен, Епифаний!

– Будь разумен, мальчик. Усадьбу заняли скифы. Они жестоки, сильны. Ты не войдешь и не выйдешь незамеченным. Слава богам, я успел спасти тебя!

– Но как ты узнал?

– Я почувствовал твою тревогу еще утром. А днем – увидел...

– Что ты увидел?

– Будущее, Дионисий. Я увидел будущее.

– Но почему же ты прибыл так поздно? Тебя бы отец послушал!

– Не успел. Все произошло слишком быстро.

– Епифаний, теперь нас двое! Мы спасем маму и Дайону!

Дионисий рванулся к дому, но жрец успел схватить его за руку.

– Стой! – Голос старика стал настолько глухим, что о значении фразы Дионисий скорее догадался, чем разобрал слова. – Не ходи. Кроме горя, это тебе ничего не принесет.

– Мама... Дайона... Я не оставляю их.

– Что ж, ты сделал выбор. Такой, каким его видел я.

– Ты видел?

– Да, мальчик. Выбор твой достоин, хотя для меня... Впрочем, теперь это не важно.

Перед тем, как мы пойдём...

– Ты все же пойдешь со мной?

– Теперь я обязан это сделать.

– Благодарю тебя, Епифаний, благодарю. Ты... ты настоящий друг.

– Мне повезло услышать эти слова из твоих уст, Дионисий. Они не опоздали. Теперь я должен исполнить то, к чему готовился много лет.

– Ты исполнишь все, что задумал, только после! Мы должны...

– Нет. Теперь. Помнишь ли ты о ценностях, переданных мне Кахотепом?

– Помню. Бежим скорее!

– Готов ли ты стать их хранителем?

– Хорошо, Епифаний. Готов! Только не сейчас. Когда ты уплатишь обол Харону...

– Нет. Мои видения были достаточно ясны. По-другому я мыслил передать великий дар.

Но ты сам выбрал путь.

Епифаний протянул дрожащему, порывающемуся бежать Дионисию небольшой мешок темной кожи.

– Мальчик мой, поклянись богами Олимпа, что будешь хранить это сокровище наравне со своей жизнью. Больше своей жизни! Я завещаю тебе право передать дар тому правителю, который обернет его во благо свободного народа. Для этого боги наделили тебя умением распознавать в людях то, что скрыто для обычного человека. В противном случае ты найдешь достойного преемника или... уничтожишь сосуд и Глаз Ра. Ибо в руках человека нечестного дар может обернуться проклятием.

– Клянусь! Только храни пока сам свой мешок. Я заберу его, когда мы выручим маму и Дайону.

– Нет, Дионисий, держи. А теперь пойдём.

С ожерельем Алексии на шее и таинственным мешком в руках Дионисий бросился к дому. За ним едва поспевал Епифаний.

Усадьба горела и уже не сопротивлялась. Рядом с оборонительной стеной ходили скифские воины и мечами добивали раненых. Дионисий сжал кулаки. Подался вперед.

– Я убью их!

– Тише, тебя слышат! – шикнул старик и дернул мальчика обратно: Селена была круглолица, неосторожного, его могли заметить.

– Пусть слышат! Я убью их так, как они убили моего отца!

В этот момент у калитки зашумели, и на площадку, посреди которой стоял старый, заброшенный колодец, выволокли женщину и девочку. Предупреждая крик, Епифаний зажал рот мальчика одной рукой, второй же вцепился в его талию, упреждая рывок. Один из воинов подошел к лежащей в пыли девочке, вырвал из ее руки какой-то предмет и отшвырнул подальше в кусты. Прямо к ногам Дионисия. Не отрывая глаз от матери и тоненько плачущей Дайоны, он нагнулся, поднял то, что так не понравилось скифу.

– Собака...

– О чем ты? Какая собака? – забеспокоился Епифаний: мальчику за сегодняшний вечер пришлось пережить столько – не тронулся бы умом!

– Собака, которую нарисовала Дайона, чтобы потом ее оживила Артемида... На беду, у нас в усадьбе не было собак, Епифаний...

Старик хотел сказать что-нибудь правильное, но в этот момент прозвучала резкая команда. Сразу несколько хохочущих мужчин бросились к распростертой на земле Алексии и забившейся в ужасе Дайоне, подхватили и поволокли их к колодцу.

Первой в его жерле исчезла Дайона. Ее предсмертный крик, многократно отражаясь от каменных стен, почти лишил Дионисия рассудка. Когда же подняли так и не пришедшую в себя Алексию, он, забыв об осторожности, о данном Епифанию обещании, о бессмысленности всего, что делает, закричал: «Мама!» – и выбежал на освещенное пространство.

Все, что было потом, произошло одновременно. Скифский стрелок поднял лук, Дионисий почувствовал летящую в него стрелу, откуда-то сбоку к нему метнулась тень, и старый Епифаний, пронзенный насквозь, начал медленно оседать к его ногам.

– Епифаний!

– Беги, Дионисий. Свершилось то, что открылось мне еще днем. Ты спасешься.

– Епифаний! Ты знал? И все равно пришел?! Епифаний! Я не оставлю тебя!

– Помни... ты обещал... Я счастлив, что... что успел... стать... твоим... дру...

* * *

– Тэ-эк... Евграф Леопольдович... – Дюжий таможенник справился с собственной мимикой, по крайней мере так ему казалось. И, как подобает «при исполнении», внимательно осмотрел пацана, застывшего с недочищенным бананом у вагонного окна на нижней полке. В светлых глазах таможенника запрыгали шальные зайцы, и он поспешно перевел взгляд на женщину. – Документы в порядке. Счастливого пути.

– Слава Создателю! – Тетя Люся сложила лодочкой ладони, ткнулась в них подбородком и, закатив глаза, мысленно сообщила Творцу, что она думает о дороге, вонючем щелястом вагоне, обеих таможнях и стоимости билетов за все это «удовольствие». Затем, совершенно невпопад, поблагодарила и, вынырнув из транса, умильно огладила взглядом хмурого племянника. – Графочка, через одиннадцать часов будем в Севастополе. Давай баиньки!

– Ну тетя Люся! – взвыл Графочка и, швырнув банан на стол, полез на верхнюю полку. «Баиньки»! Позорище! Ему же че-тыр-на-дцать! А еще эзотерик! Эзотеричка!

Этим особенным словом – эзотерик – странную тетю Люсю назвала мама, когда в их московской квартире появилась южная родственница, увешанная, словно новогодняя елка, бусами, кольцами, браслетами и совершенно невообразимыми амулетами. Мама вообще умела называть. Евграф! И это при муже Леопольде! График, Графин – еще куда ни шло. Графиня, Аграфена или даже Ева – когда-то это доводило до слёз. Не скупых мужских. Отнюдь! А что, каждому рассказывать, как папу друг Евграф во время их альпинистской молодости тащил на себе сколько-то там километров, обморозился, долго болел, выздоровел, и тогда благодарный Леопольд назвал сына в его честь? Кому честь, а кому...

Евграф скомкал подушку, подоткнул ее под грудь и уставился в смоляную ночь, с заданной периодичностью взрываемую уносящимися в Москву фонарями.

Севастополь... За шесть лет, прошедших с предыдущего визита к тете Люсе, от воспоминаний о городе не осталось почти ничего: посиневший распухший палец, которым Евграф ткнул в ерша, притаившегося в дырчатом подводном камне, и памятник со странным названием – «Затонувшим кораблям».

Со злополучным пальцем он носился за теткой, наверное, часа полтора. Отвечая раз за разом на вопрос: «я не умру?» коротким «нет», она наконец сдалась и сообщила, что когда-нибудь это произойдет обязательно.

А корабли, давшие название памятнику, оказались не затонувшими, а затопленными. Поправку внес папа, но выглядела она нелепо: кто же будет топить собственные корабли? Интернет подтвердил: во время Крымской войны в далеком 1854 году, «чтобы заградить вход неприятельским судам и спасти город», вице-адмирал Корнилов отдал приказ затопить поперек фарватера Севастопольской бухты российский флот. Евграф, однажды расстроившийся из-за своей первой и единственной деревянной лодочки, канувшей в пригородном пруду, много раз пытался представить, как моряки покидают свое судно, как отдает ему честь командир... И высоченные стройные мачты медленно уходят, уходят, уходят под воду, а потом торчат поперек бухты двумя жуткими рядами, свидетельствуя то ли о победе, то ли о поражении. Над ними носятся и тревожно кричат чайки, а на берегу, сжимая кулаки, стоят матросы, и глаза у них мокрые и злые.

Вот в такое место вез Евграфа поезд. По выражению мамы – «поджариться на солнышке», по версии папы – «отмокнуть и просолиться». И только тетя Люся многообещающе обмолвилась, что собирается «приобщить ребенка к святыням». В общем, у всех были свои планы на вполне самостоятельного и почти взрослого человека.

* * *

– Э-эй, дружок, глянь в окошко!

Евграф открыл глаза.

– Теть Люся, что, приехали?

– Нет. Впереди Джанкой, потом Симферополь, Бахчисарай, а уж потом и дома будем. Часа четыре осталось. Я тебя на Сиваш⁷ разбудила. В окно посмотри.

Евграф свесил голову с полки. За стеклом, сколько хватало глаз, была вода. Она то подступала к рельсам, то убегала за розовато-коричневые соленые проплешины, утыканные ровненькими рядами невысоких деревянных столбиков.

– В другое окно глянь!

Напротив была точно такая же вода, соль и столбики. В вагоне завоняло.

– Фу-у-у! – Евграф потянул носом, сморщился.

– Чего носом крутишь? Это планктон. На этих отмелях раньше соль добывали. Вон ограждение осталось. Теперь планктон развелся. Крым начнется – проветримся.

– Теть Люся, мы что, по мосту едем?

– Вот современная молодежь! Ничего не знают! – оживился новый сосед и посмотрел на Евграфа.

Чувствуя ответственность за «современную молодежь», Евграф неприязненно смерил взглядом попутчика. Это ж надо! Только в поезд сел, а уже лезет.

– Чего им знать-то? Как в школах учат, так они и учатся. У нас раньше урок не подготовишь – стыдно. А теперь... – включилась «нижняя» соседка.

Она выламывала из наполовину съеденной курицы вторую ногу, и Евграф, стараясь не видеть хваткие жирные пальцы, внутренне взвыл от невозможности искоренить человеческие стереотипы, к которым относилась и обязательная «железнодорожная» курица – продукт, менее всего подходящий для еды в вагоне.

– В компьютерах теперь все дело, – справившись с ногой, продолжила соседка. – Мы без них учились себе и учились. Еще и на танцы вечерами бегали, и общественной работой занимались. А эти? Из школы олухи олухами придут, в экран уткнутся...

«На себя бы поглядела! Динозавриха!»

⁷ Сиваш (Гнилое море) – залив на западе Азовского моря, отделяющий полуостров от материка.

– Вы же ничего не понимаете! Компьютер... – начал строить линию защиты хулимого поколения Евграфа.

Но тетя Люся поспешно дернула племянника за локоть и кивнула на окно:

– Графушка, смотри, в Крым въезжаем.

– Как ты узнала?

– А тут раньше на бережку большими буквами было написано: «Крым», – не реагируя на пацанскую ершистость, доброжелательно пояснил сосед. И Евграф подумал, что, возможно, не очень-то он и вредный. Просто имеет собственное мнение.

«Собственные мнения» были и у Евграфа. Например, он был убежден, что одиннадцать лет в школе рациональнее потратить по прямому назначению, то есть на учебу, а не на попытки ее избежать.

Сосед на секунду задумался, затем встрепенулся и цепким глазом поймал Евграфа.

– Ну-тка, отвечай, школьник, чем это место, по которому едем, особенное?

Евграф снова глянул в оба окна:

– Воды, что ли, много?

– Правильно, много. А какой воды? Ладно, вижу, не знаешь. Мы сейчас сразу между двумя морями проехали. Черным и Азовским. Хоть слышал о таких?

– Да что вы, я же!..

– Ну и молодец, молодец! Не обижайся на деда. Справа – Черное море, Азовское – слева. Рыбы в нем раньше было – руками ловить. Какие осетры плавали!

– А сейчас что, не плавают?

– Есть и сейчас. Да с прошлыми-то годами не сравнишь.

– Почему? Выловили, что ли?

– Нас, сапиенсов, много развелось. И выловили. И нефтью потравили, и химией. С полей смыв куда идет? В море. А смыв какой, знаешь?

– Ну...

– Вот-вот. Химикаты сплошные. И города свое добавляют. Я сам водолазом был. Как водолазную школу окончил, так всю жизнь и отработал. Бывало, спустишься, минутка свободная есть – по сторонам посмотришь... Что там твое коралловое море! Рыбки серебристые, красные, желтые, и на зебру похожи, и в пятнышко. Пацанве с маской поплавать – одно удовольствие. Усики наловить. А сейчас?..

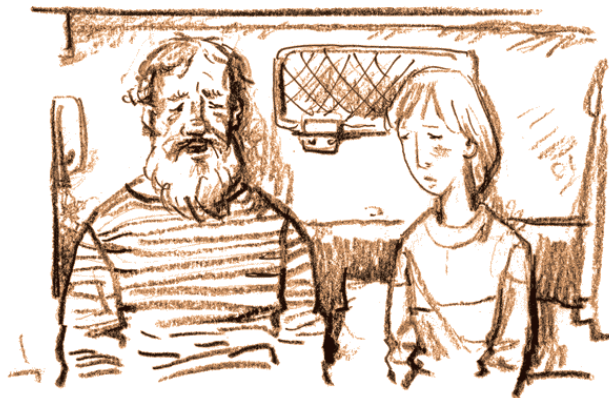
– Усики?

– Это креветки по-вашему. У нас их усиками всю жизнь звали. Из-за длинных усов. Сколько их было! Все улицы в усиках, что в семечках... Теперь одна мелочь осталась.

Евграфу стало как-то уж совсем грустно. Куда же везет его тетка? В пустыню? А он еще мечтал понырять за крабами, со спиннингом постоять...

– А крабы? – с надеждой спросил Евграф.

– Крабы-то? Крабы есть. И травяшки, и каменные. Рапану хорошую достать можно. Ее раньше бросовой считали. А нынче за деликатес держат. Знаешь рапану?

– Знаю. Читал. Ее в Черное море не так давно завезли. Нарушили экосистему. Рапана мидий пожрала. У меня дома большущая раковина. Ее к уху приложишь – море шумит.

– Да-а-а... Шумит море... Ты это, того, парень... Ты мое ворчанье особо не слушай. Мы, старики, все такие. И солнце у нас раньше теплее было, и сахар слаще. А море, оно на своем горбу все вынесет. И нас, сапиенсов, тоже. Восстановится море. Уже лучше стало. Кефаль вон опять ловить начали. А то лет пять назад в рот нельзя было взять!

– Почему?

– Нефтью отдавала. Удивительнейшая рыба! Приспособилась нефтяные пятна с поверхности воды собирать. Я как-то тряпку с катера уронил, которой мотористы руки вытирали. От нее сразу по воде радужное пятнышко пошло. Смотрю, мальки кефали – а их зимой в бухте тьма-тьмушая – со всех сторон мазут окружили и ротиками – шлеп-шлеп-шлеп! А потом, конечно, пахнут... Да...

– Скажите, а вы корабли затопленные видели? – поспешно спросил Евграф, чувствуя, что сосед погружается в какие-то свои мысли.

– Это ты про какие спрашиваешь?

– Которым памятник.

– Э-э, дружок! Тех нет давно. Это ж когда было! Полторы сотни лет прошло. После той войны еще не одна была. А корабли затонувшие видел. Не те – другие. Никакой романтики. Я, брат, линкор «Новороссийск» поднимал. Страшное дело! Страшное...

– А вы...

– Ты не выкай. Палычем меня зови. Виктором Палычем. У меня внучка такая, как ты, тоже всем интересуется.

– Виктор Павлович, про корабль расскажите! Его что, немцы потопили?

– Может, и немцы. А может, и еще кто. Версий много. Судно трофейное, от итальянцев досталось. А дело после войны было. Осенью. Спать легли. Ночью взрыв. Весь город проснулся. Люди на улицы раздетыми повыскакивали.

– Почему?

– Так война-то не так давно была. Не забылась еще. А Севастополь бомбили так, что не дай бог какому городу столько металла на себя принять.

– Виктор Павлович, а вы воевали?

– Я тогда совсем мальком был. Только-только в школу пошел. В подземную.

– Почему подземную?

– Другие руинами лежали. Немец тогда к городу рвался. Пушку невиданную привез. «Дора». Не слышал о такой? Правильно, москвич. Из нее после Севастополя больше нигде вроде и не стреляли. Размером с паровоз махина. Один ствол – тридцать два метра. По рельсам доставили. Снаряд чуть не на сорок километров летел. Железобетонную стену толщиной в

восемь метров пробивал, да только все снаряды не там, где им хотелось, легли. Так вот, школу у нас в штольнях устроили. Сверху бомбы сыплются, а детвора буквы учит, примеры решает.

– Страшно было? – Евграф попытался представить свой собственный класс, только не в просторной светлой школе, а в тесной темной штольне, и у него ничего не получилось.

– Человек ко всему привыкает. Вроде как страшно, а вроде и нет. Мне, малышу-то, что? Была бы мамка рядом. А вот между занятиями одноклассница из горы на солнышко выбежала – и нет одноклассницы... Конечно, жуткое время было. И голодное – это да. Пить особенно хотелось. Я с тех пор шампанское на дух не переносу.

Связи между шипучим французским напитком и военным прошлым Палыча Евграф уловить не смог и, видя, что тот не намерен объяснять, спросил:

– Почему?

– Жили мы в штольне рядом с подземным заводом шампанских вин. Когда пресная вода в городе закончилась, пришлось шампанское пить. Им же и раны обрабатывали, и мылись... Даже младенцев поили. Война...

Сосед замолчал, отвернулся к окну. Евграф догадался, что рассказчика лучше пока не тревожить, но не выдержал, окликнул:

– Виктор Павлович!

– Что? Еще рассказывать?

– Вы про линкор собирались...

– А-а-а... Да. Что ж тут говорить? Беда получилась. «Новороссийск» вернулся к вечеру из похода, пришвартовался в бухте, совсем рядом с берегом. Часть команды домой ушла, а большинство на корабле осталось. Там же и курсанты были – офицеры будущие. Ночью – взрыв. Не знаю, какой инженер этот корабль родил. Итальянец-то он итальянец, но конструкция – глупее не придумаешь. Все двери в одну сторону открываются – к корме. Если пробоина в носу, закрыть их невозможно: вода не дает. И вся ее масса прет по одному борту. Ну-ка, что произойдет, парень, если с одного борта судно затопить?

– Перевернется, что ли? – неуверенно предположил Евграф.

– А что так робко? Даже тебе, малышу, понятно, что перевернется! Оно и перевернулось. Причем очень быстро. Когда ясно стало, что кораблю суждено кверху брюхом всплыть, люди стали на палубу выбираться. А она уже дыбом. Фильм «Титаник» видел? Одна разница – «Новороссийск» на левый борт кренило. Люди ошалели, в воду попрыгали. Кому повезло, спасся. Большинство тут же рухнувшей палубой накрыло. Многие внутри остались. В борт стучали...

– Как – стучали? Они что, не утонули?

– По-всякому было. Корабль быстро вверх дном лег. Во многих местах воздушные подушки образовались, дышать можно. Среди выживших нашелся мичман, который устройство судна знал настолько хорошо, что сумел даже в перевернутом сориентироваться. Так вот он несколько человек через кингстон вывел. Остальные погибли.

– А моего папу друг в горах на себе после обвала несколько часов тащил. Меня в его честь назвали, – неожиданно для себя признался Евграф.

– Вот и гордись! Это почетно – в честь героя называться.

– Виктор Палыч, кингстон – это что?

– Устройство для забора воды. Ею двигатели в машинном отделении охлаждают. Диаметр трубы большой, человек протиснуться сумеет.

– А потом куда этот корабль дели?

– Разрезали на куски. Я и резал. Под водой.

– Страшно?

– Страшно. Не резать – это обычная водолазная работа. Страшно потому, что ты в одном отсеке находишься, а из соседнего снаряды выносят. Кто знает, как они после взрыва и затопления себя поведут? Вдруг ухнут?

– Не рванули?

– Бог миловал. Корабль на металлолом сдали, а на корабельные мачты долго еще водолазы натыкались. А сейчас они, наверно, уже ушли.

– Куда ушли? – удивился Евграф.

– В ил погрузились, куда ж еще?! – засмеялся Палыч. – А ты что подумал? Ног у них нет. Севастопольская бухта, Евграф, глубо-о-кая! Межгорье. Только илом затынута. Так что есть куда уйти. Не зря Екатерина там город образовала.

– Какая Екатерина? Первая или Вторая?

– Екатерина Алексеевна – Великая. Царица русская. Дальновидная была женщина.

– Виктор Палыч, а вы под водой что-нибудь интересное видели?

– Интересное? Тебя сокровища интересуют или еще что?

– Ну просто... Не знаю. Просто интересное.

– Видел. Город у нас тут есть древний. Херсонес. Может, слышал?

– Слышал. Мы рядом будем жить. На улице Древней. Знаете такую?

– Знаю. Часть этого города за две с лишним тысячи лет под воду ушла. Море постепенно наступало, берега рушило. Вот там много интересного. Как-то тарелки на дне древние нашел, кувшин почти целый. Археологам передал. Серебра-золота не обнаружил. Да что я говорю! Раз рядышком живешь, пойдешь к морю, сам увидишь. Там древней черепицей все дно покрыто.

– А кроме черепицы?

– Ага, черепица тебя мало интересует. Понятно. Ну что ж, иногда снаряды находим. Однажды обследовал место под торговый док. Он большой, тяжелый. Когда корабль в него на ремонт входит, док опускают.

– Как? Затопляют, что ли?

– Конечно. Открывают кингстоны. Вода заполняет цистерны в бортах и днище – док тонет. Корабль заплывает внутрь, швартуется. Потом в цистерны подают воздух, воду отжимают, док всплывает, и получают ремонтные мастерские.

– Здорово придумано! Никаких тебе подъемных кранов!

– Так вот, пошел я посмотреть, что да как. А там ил, ничего не видно. Всё на ощупь делать приходится. Уже решил подниматься, потом думаю: дай-ка еще одно местечко проверю. Показалось мне, что там пещерка подводная есть.

– И что?.. – затаил дыхание Евграф.

– Не зря пошел. Стал шарить и нащупал мину. А какая, определить не могу. Руками ее оглаживаю – ничего знакомого. Потом холодным покрываюсь. Заденешь за какую-нибудь пимпочку – и на кусочки! Первое желание было – бежать. А как побежишь? Работу делать надо. Дернул за трос, меня вытащили на поверхность, буюк над миной поставили. Потом ученого человека присылали. Он спрашивал, а я рисовал по памяти. Оказалось, редкая штучка. Еще с начала двадцатого века там лежит.

– А что потом с ней сделали?

– Подняли со всеми предосторожностями. Отвезли на специальный полигон и взорвали. Вот какие сюрпризы бывают.

– Интересная у вас работа. Крутая! – восхищенно заключил Евграф.

Виктор Павлович подтвердил:

– Мужская работа.

* * *

В Симферополе вагон почти опустел. Желающих ехать дальше оказалось мало.

– Теть Люся, а почему все вышли? – по-детски спросил Евграф.

– Загорать приехали! – ответил за тетку Виктор Павлович. – Я как-то на пляже видел одну дамочку. Лежит на животе, а спина – что кратер от вулкана. Вся в волдырях. Да не в один слой. Я ей: «Что же ты, голубушка, так к себе относишься? Спину-то теперь лечить нужно, а не под солнце подставлять!» Так она мне что ответила? «Я, – говорит, – в Крым за солнцем приехала. А спину у себя на Севере лечить буду».

– Да, Графочка, люди на курорты едут. В Ялту, Алушту, Коктебель...

– Там что, лучше?

– Нигде не может быть лучше, чем в Севастополе! – ухмыльнулся Виктор Павлович. – А вообще, конечно, каждая кукушка свое болото хвалит.

– Лягушка! Ой, нет – кулик!

– Да хоть оба вместе... Только у нас не болото. Мне как-то с одним американцем довелось разговаривать. Я по-ихнему – как кошка на русском, а американец по-нашему шпрехает корявенько, но понять можно. Спрашиваю его: «Ты откуда?» – «Из Бруклина», – отвечает. «Знаю, – говорю, – Бруклин. А я из Крыма». Смотрю, глаза у американца как у мороженой кефали. Не представляет он, где Крым находится. Уточняю: «Черное море!» Опять глаза пустые. Тогда уже совсем в точку: «Севастополь!» Он сразу оживился: «Иес! Себа́стопол. О! О! Все знайт Себа́стопол!»

– Интересно, он о моей Москве хоть слышал?

– Ну, Евграф! Москва – это какой город! Большой, древний. Разве с Севастополем сравнить? В последнюю войну...

– Что вы, Виктор Павлович, мальчику все о войнах, о сражениях... – вклинилась тетя Люся.

– Так о чем же еще парню рассказывать?

– Графочка, войны – дело неразумное и бездуховное. А сейчас ты на святую землю едешь! На свя-ту-ю! Вся великая Русь через князя Владимира крещение в Херсонесе, рядышком с нашим домом, приняла! Папы римские чудеса творили...

– Это какие такие папы? – удивился Евграф, полагавший, что раз папа римский, значит, и жить он должен в Риме.

– Да хотя бы святой Климент. Великий был человек. Его в наши каменоломни сослали...

– Папу сослали? Разве так бывает?

– Бывает... В те времена христиан преследовали. Их было очень мало. Сейчас бы сказали – секта. Климент веру от самого апостола Петра принял. Слышал о таком?

– Я что, совсем серый? Климент тоже апостолом был?

– Да, конечно. Он людей исцелял, чудеса творил.

– Какие? Расскажи, тетя Люся!

– Многие. В каменоломнях, Графушка, где он находился вместе с другими христианами, не хватало пресной воды. Тогда Климент указал место, и оттуда забил целебный источник. Он и сейчас бы людей поил, только...

– Высох, что ли?

– Если бы высох! В наше уже время рядом карьер вырыли, нарушили что-то в горе. Века источник воду давал, а жадность и глупость человеческую не пережил. Одна память осталась...

– Жалко... А что с Климентом дальше было?

– Он, хоть и находился в изгнании, сумел в Таврике – так наш Крым назывался – создать большую христианскую общину. За это правитель приказал привязать его к якорю и утопить.

– Не утопили?! – с надеждой воскликнул Евграф: вряд ли человек, умеющий творить чудеса, мог закончить жизнь подобным образом.

Тетя Люся вздохнула.

– Примерно в полукилометре от берега. Но люди свидетельствовали, что каждый год море расступалось на несколько дней, чтобы верующие могли поклониться святому.

– А сейчас? Море сейчас расступается?

Спрашивать было бесполезно. И даже немного стыдно. Что за бред! Если бы море действительно расступалось, никто и никогда не стал бы спорить о всяких там религиях.

– Последний раз это было, когда прибыли Кирилл и Мефодий, – сообщила тетка.

– Которые письменность изобрели?

– Да. Нашли они мощи святого Климента. Славянский язык изучили. После азбуку разработали, записали ею греческие богослужебные книги. . . Великое дело сделали! Так что письменность наша из Херсонеса пошла.

Евграф ухмыльнулся: у тети Люси все дела великие. Любит она это слово. Пусть мама считает, что у нее в голове переполох, но знает тетка много. И рассказывает интересно. Только вот лучше бы без этого «Графушка».

– Сейчас тоннели начнутся! – громко сообщил Виктор Павлович. – Сквозь горы поедem. Шесть тоннелей. Если не возражаете, я тут опять о войне. . . Мальчишке интересно будет послушать.

– Да говорите, кто ж возражает, – милостиво согласилась выговорившаяся тетка.

– Так вот, Евграф, в таком тоннеле во время второй обороны скрывался. . . зеленый призрак.

– Призрак?

– Да. Так немцы называли бронепоезд «Железняков». Его построили в Севастополе на морском заводе в начале войны. Экипаж был лихой – морская пехота. Скрывался поезд в тоннелях. Как его немцам достать? Ищут в одном месте, а он в другом объявится. Из тоннеля выскочит, огнем накроет и обратно. Очень его фашисты боялись. Охоту устраивали.

– Поймали?

– Поймали. Удалось тоннель завалить, в котором бронепоезд прятался. А теперь его бывший паровоз рядом с вокзалом стоит. Детишки по нему лазают. . .

– По памятнику?

– Да, вроде бы не порядок. . . Но когда по военной технике – детишки. . . Ты, Евграф, после того как на солнышке прожаришься, наплаваешься вдоволь и скучновато тебе станет, в гости ко мне приходи. Поговорим. С внучкой тебя познакомлю. На свой водолазный катер, на котором полжизни проработал, вас свожу. Тебе понравится. Придешь?

– Приду! – не очень уверенно пообещал Евграф. Его четырнадцатилетний жизненный опыт подсказывал, что в дороге люди знакомятся легко, но потом, когда попутчики выходят из поезда, они оставляют в нем все свои намерения и обещания.

– А что так неуверенно? Запоминай: улица Катерная, дом десять-а. Очень простой адрес.

Затем поезд отстучал по тоненькому, словно ниточка, мосту, протянувшемуся над пропастью, прошил гору, развернулся, и. . . Евграф увидел корабли.

Актеон больше не мог метаться среди стен своего дома. Ему было тесно. Тесно и душно! Эвтерпа^[19], капризная дочь Зевса^[20] гнала его к морю. Да и где же еще родиться великой поэме, если не на его берегу, под свист ветра и удары волн?

Бессонная ночь не способствовала путешествию, но Актеон знал, что, пока стихи не отпустят его, о нормальном сне следует забыть: у хороших поэтов с музами отношения особые. А он считал себя хорошим поэтом – не рассуждал попусту, не опутывал мысль лишними словами.

Актеон вышел, поднял голову. Созерцание неба обычно приносило странное сочетание тревоги и умиротворения. Но сейчас он глянул вверх не как поэт. Его интересовал вопрос совершенно прозаический: поблекли ли звезды, поскольку идти в порт ночью, без сопровождения раба, было крайне неразумно.

Актеон рассчитывал побыстрее пересечь порт, шумный, грязный, и остаться наедине со свободной, дышащей волнами стихией. Он двинулся размашистыми шагами по вымощенной галькой центральной улице. Несмотря на раннее время, улицу нельзя было назвать пустынной: летом рынок просыпался рано.

На агорé Актеон остановился. Им снова завладела поэма. «Почему бы моему герою не выступить перед народным собранием⁸ на такой же точно главной площади? Он выйдет вперед и скажет... скажет...» Поэт тряхнул головой: мысли не складывались в строки.

Миновав агору, Актеон начал спуск к морю. Утренняя прохлада придала ему уверенности в том, что новый день принесет избавление от мук сочинительства.

Он пришел вовремя. Вершины оборонительных башен, вознесших свои исполинские квадратные тела на высоту почти тридцати локтей, уже увидели солнце. Несколько рабов толпились в ожидании, когда на двойных полотнищах огромной двери уберут засов и поднимут катарáкту. Актеону всегда нравилось наблюдать, как ползет вверх эта массивная решетка, отделяющая ночью своих от чужих.

Поглядев, как открывают ворота, поэт двинулся дальше и скоро оказался в порту, известном далеко за пределами Таврики. Не успел он сделать и нескольких шагов, как его окликнули. Актеон обернулся и увидел невысокого коренастого человека, то ли скифа, то ли тавра^[21]. Впрочем, в данном случае происхождение не имело никакого значения, поскольку это был Сморд – человек неприятный, темный. Но он торговал самыми крепкими, здоровыми и не слишком дорогими рабами, которых привозил из бухты Символон^[22]. На днях Актеон лишился одного, поэтому легкую досаду заглушила практичность: поэты обитают не на Олимпе, им нужно есть, вести хозяйство. К тому же Сморд появлялся в Херсонесе неожиданно и так же неожиданно исчезал.

– Актеон! Ты торопишься... И все же не желаешь ли взглянуть на мой новый товар? – слишком широко улыбнулся торговец, наметанным глазом зацепив интерес, мелькнувший в глазах известного, а главное, богатого горожанина. – Он, конечно, к обеду не протухнет, но, хочу заметить, цена не выше, чем в тот раз, когда мы с тобой так хорошо поладили. И поэтому может чрезвычайно быстро (рука сделала красноречивое движение, не оставляющее сомнений в том, что такой замечательный товар действительно разойдется) своими ногами... к новым хозяевам.

– Пожалуй... Но что ты можешь предложить мне?

– Вот это разговор! Люблю людей нежадных и скорых на решения. Идем, Актеон!

⁸ Народное собрание – верховный законодательный орган; имел судебные полномочия.

Они прошли по набережной до площадки с живым товаром. Сморд широким жестом указал на небольшую группу ожидающих своей участи мужчин, женщин и разновозрастных детей.

– Всего одна мина⁹, и вот эта замечательная рабыня может стать твоей. Посмотри, она молода, у нее мощное тело и хорошие зубы. – Сморд указал на темноволосую высокую женщину. – Кстати, у нее имеется парочка крепких детишек, которые уже находятся в том возрасте, когда труд хоть в доме, хоть в поле не составит для них проблем. Ты знаешь мои условия, Актеон. Они пока остаются неизменными. Если берешь всю троицу сразу, это обойдется тебе на несколько драхм дешевле. Подумай, выгодное предложение. Впрочем, я не буду внакладе, если ты приобретешь одну мамашу.

– Сморд, я ценю твое предложение, но мне не нужна женщина.

– Тогда забирай вот этого увальня. Посмотри на его плечи! А ноги! Столбы – не ноги! – Торговец похлопал по телу молодого мужчины.

– Хороший товар... Но, видишь ли, тот раб, который неделю назад отправился в царство мертвых, был обучен мною письму и счету. Особый раб и поручения в доме выполнял особые. Я к этому привык. Нет ли у тебя чего-нибудь взамен?

Сморд захохотал, но через мгновение его смех оборвался, в глазах снова загорелся огонек.

– Позабавил ты меня, Актеон. Грамотный раб! Если бы мне не было известно, что ты великий поэт, это открылось бы сегодняшним утром! Но я буду не я, если не попытаюсь удовлетворить желание своего покупателя. У меня есть раб, обученный грамоте. Но ты вряд ли купишь его.

– Почему? Слишком дорого просишь?

– О! Слишком дорого – не всегда выгодно. Но в данном случае раб, который тебя интересует, – мальчишка. У него сбиты ноги, он изможден и истощен. Мне удалось перекупить его совсем недавно у тех, кто не знает настоящую цену хорошему товару. К тому же, сдается мне, учение не пошло малому на пользу.

– Что ты имеешь в виду?

– Похоже, у него не все в порядке с головой. А впрочем, если твой интерес остается неизменным, можешь взглянуть.

Актеон, собравшийся платить достаточно большую сумму, отмахнулся: зачем ему больной раб? Недовольный сорвавшейся сделкой, Сморд тут же пошел на попятную. Он приготовился долго объяснять, что грамотный раб – вещь редкая, но Актеон уже изменил свое решение. В конце концов, он ничего не теряет, если взглянет на мальчишку.

⁹ Мина – денежная единица Древней Греции. 1 мина равна 100 греческим драхмам.

Судно – лемб, на котором торговец привез свой товар, – стояло пришвартованным у самого выхода в море. Спустившись в трюм после яркого солнца, Актеон зажмурился. И одновременно скривился: внутри лемба изрядно воняло. Grimаса не осталась без внимания. Сморд усмехнулся и пояснил, что до сего утра попутчиками людей были овцы.

Интересующий Актеона раб лежал на груди тряпья у самого борта. Свет, проникший в открытый люк, на мгновение привлек его внимание. Он повернул давно не чесанную голову и, словно забыв о цели своего движения, замер в неудобной позе. Вошедшие мальчишку не заинтересовали.

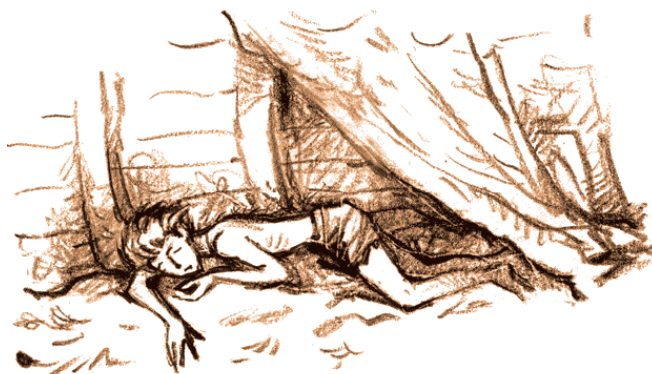
Актеон удивленно посмотрел на Сморда.

– Почему ты решил, что этот несчастный обучен грамоте? Похоже, он даже не совсем в себе.

Торговец, сознавая, что за товар, предложенный уважаемому в Херсонесе гражданину, нельзя попросить не то что мину, но и пяти десятков драхм, попытался оправдаться:

– Актеон, ручаюсь, он в уме был. Правда, не мог самостоятельно передвигаться – я же говорил, что раб изможден, – но сложить о себе лживую и весьма занимательную историю он успел. Теперь же малец отказался от пищи, и поэтому сознание его в тумане.

В Актеоне шевельнулся сочинитель, и он, скорее поддавшись любопытству, чем логике, поинтересовался, о чем рассказывал мальчик Сморду.

– О! Он говорил не много, но так, что пока я слушал, начал подумывать, не пожертвовать ли мне той парой мин, которые собирался получить от сделки, и не отпустить ли бедолагу на все четыре стороны.

– И что же тебя остановило?

– Гарантии... Где, Актеон, гарантии правдивости рассказа? Да ты послушай. Во-первых, мальчишка заявил, что происходит из уважаемого рода. Что вместе с семьей жил в своей усадьбе недалеко от Керкинитиды. Тут я, кстати, и узнал о его умении считать и писать.

– Как же он оказался на этом лембе?

– Говорит, усадьбу сожгли скифы. Погибли все. Мать приказала ему идти в Херсонес, к брату. Знатный брат у матери. Тоже врет... По дороге попал к таврам. Те переправили его в бухту Симболон. А дальше, Актеон, я рассказывать не собираюсь: я – торговец, и это моя тайна! – усмехнулся Сморд. – Да, можешь глянуть, у мальчишки на шее висит нитка с ракушками. Говорит – досталась от матери. По ней-то я и догадался, что меня пытаются обдурить. Ожерелье – дешевка. Знатная хозяйка – с украшениями рабыни!

– Сморд, ты не смог убедить меня в необходимости покупать этого раба, – прервал поток слов Актеон и, развернувшись, начал подниматься по трапу, чтобы поскорее вдохнуть свежего морского воздуха. – К тому же нос мой измучен. Давай вернемся на площадку и посмотрим еще раз на твоих здоровых рабов.

– Прости, Актеон, но я заранее предупреждал, что раб болен. Он даже солгать ловко не смог. Только до этого ожерелья дошло, я сказал себе: «Сморд, перед тобой жалкий раб, пытающийся любым способом заполучить свободу». Он, бедняга, и украшений-то настоящих не видел. На нитке – ракушки и камбальи бляшки.

Актеон, глаза которого уже видели небо и доски палубы, остановился и стал задумчиво спускаться обратно в трюм.

– Ты что-то забыл? Или передумал? – оживился Сморд.

– Помолчи.

Поэт подошел к тряпью, на котором лежал в забытии мальчик, постоял, всматриваясь в его сгоревшее на солнце лицо, потом резко наклонился и дотронулся пальцами до ракушек на грязной шее.

– Алексия!

– Что ты сказал? – переспросил Сморд, с удивлением наблюдавший за действиями покупателя.

Когда Актеон выпрямился, даже в полутемном трюме было заметно, как изменилось, побледнело его лицо.

– Повтори, что говорил тебе мальчик о своей семье.

– Это не составит труда. Их клер, который располагался недалеко от Керкинитиды, сожгли скифы. Погибли все. Затем...

– Достаточно, Сморд. Я покупаю у тебя этого раба.

– Что-о-о?! – Голос изумленного торговца сорвался в верхах. – Покупаешь? Этого?

– Ты плохо меня расслышал? Или туго соображаешь? Тогда давай выйдем на свежий воздух...

– Нет-нет...

– Ну, называй быстрее свою цену. Кажется, речь шла об одной мине?

– Ну-у-у... – Сморд, понимая, что предложенная цена за полудохлого мальчишку достаточно велика и этот случай сбыть с рук порченный товар единственный, – еще пара дней, и продавать будет нечего, – попридержал рвущийся заключить сделку язык. Его наблюдательность подсказывала, что на решение Актеона повлияло бросовое ожерелье с ракушками-гребешками. Значит, рассказы о знатном херсонесском родственнике не лживые попытки спасти свою шкуру и родственник этот – Актеон?! Это меняет дело. – Что такое одна мина? – начал аккуратно готовить почву под неслышанную сделку Сморд. – Хороший раб стоит дороже. И тебе известно об этом. А мой мальчишка – хороший раб.

– Раб? Он завтра-послезавтра умрет от голода!

– Ты ошибаешься. Я обеспечу его едой.

– Но ты же сам говорил, что от еды он отказывается.

– Значит, будет накормлен насильно. Грамотный раб – слишком дорогой товар, чтобы им разбрасываться...

– Хорошо, во сколько ты оцениваешь этого больного, полоумного мальчика?

Боясь продешевить и одновременно опасаясь назвать невозможную цену, Сморд молчал.

– Ну же! – заторопил его Актеон, терпение которого иссякло.

– Не обижайся, но именно этот раб стоит семь мин!

– Не слишком ли ты самонадеян, Сморд? Я дам тебе четыре мины. Это вдвое больше того, что ты возьмешь за увальня, которого предлагал мне совсем недавно.

– Четыре – мало! – обнаглел торговец. Согласие покупателя уплатить за падаль целых четыре мины подтвердило его предположения о родственных связях мальчишки с Актеоном.

– Пять. И это моя последняя цена.

– Хорошо. Пусть будет пять. Пять мин за грамотного раба – хорошая сделка для тебя! – Сморд нагло усмехнулся.

Актеон побагровел, но воспитанный ум удержал эмоции. Молча отсчитал полмины.

– Получи задаток. Остальное тебе вручит мой раб, когда придет с повозкой, чтобы забрать этого мальчика. И предупреждаю, Сморг, если с ним что-то случится...

* * *

То, что громко называлось улицей Древней, по московским меркам на улицу никак не тянуло – несколько частных домиков и пара-тройка двухэтажек. К одной из них и подкатило такси.

– Слава богу, слава богу! – Тетя Люся сунула водителю деньги и, проигнорировав три тяжеленные сумки в багажнике, бросилась к дородной старухе, с интересом наблюдающей за возвращением соседки. – Марья Гавриловна! Дорогая! Вот, приехали! Племянника привезла! Былиночку мою московскую!

– Уважаемая... – начал водитель, но, оценив важность момента, махнул рукой и обратился к Евграфу: – Давай, парень, выгружаемся.

Когда машина тронулась с места, тетя Люся вспомнила о вещах, подпрыгнула, ахнула, замолотила руками, словно отгоняя мух, но, наткнувшись на сумки у ног племянника, принялась прощаться с только раскочегарившейся Марьей Гавриловной. Через полчаса замлевший от скуки Евграф был введен в квартиру.

– Вот, Графушка, здесь будет твоя комната. У меня не то что в современных многоэтажках. Тут стеночки толстые, температуру в доме держат. Летом не слишком жарко, зимой не холодно. Вот так занавесочки отодвинешь, вот так в форточку газетку засунешь, чтобы от сквозняка не захлопывалась. Мух нет: море рядом. Зато москиты, зверюги, кусаются. Ну, это ничего, переживешь как-нибудь...

И Евграф остался один. Прошелся по длинной скрипучей деревянной половице. Для человека, выросшего на линолеуме, такой пол был экзотикой. Потрогал полиэтиленовый пакет, насаженный на цветочный горшок. Вот пакет на цветке не удивил: прекрасный способ сохранять растения, если их месяц-полтора некому поливать.

Скоро тетка принесла на тарелке две красные помидорины «не существующих в природе» размеров.

– Я тебя витаминчиками подкормлю. Тут у нас не суррогаты какие-нибудь. Всё – с грядочки, настоящее.

Евграф против витаминов не возразил, разделался с помидорами, плюхнулся на диван и уснул.

* * *

Просыпался Евграф неохотно. И если бы не настойчивость тети Люси, вряд ли поднялся до следующего утра.

– Выспался? – поинтересовалась тетка, сделавшая все, чтобы этого не произошло. – Кушать будешь?

– Не-ет... – невнятно промычал Евграф, отвечая сразу на оба вопроса.

– Вот и хорошо! Мы сейчас с тобой пойдем в Херсонес.

– Сейчас? Давай попозже, а? Через часик. Я еще как-то не очень... в общем. – Евграф потянулся, выразительно зевнув.

– Нет, нет и нет! Молодежь должна быть активной!.. Херсонес – это такая энергетика! Там все наши эзотерики собираются («Началось!»). Я тебя познакомлю, представлю.

«Ага! И закудахчут: „Ах какой большой мальчик! Как же ты год закончил? Кем же ты собираешься стать?“»

– Теть Люсь, я пойду, только сначала просто погуляю, ладно? Без занятий.

– Неужто испугался? Зря. Графушка, у нас все очень хорошие лю...

– Никого я не испугался. Вот еще! Просто пока не хочется!

– Не может человек в твоём возрасте не хотеть «просто». Я в твоём возрасте всё всегда хотела. Нет, дружок, надевай плапочки, вечером искупаться – милое дело! И в Херсонес. Только побыстрее. Туда вход платный.

– И чего?..

– Когда в соборе служба, верующих бесплатно пропускают. Так что поторопись.

– А если мне в собор в другое время надо?

Тетя Люся развела руками:

– Люди, Графушка, решают дела мирские...

Пока он переодевался, тетка преобразилась. В оранжевых когда-то, а теперь выцветших коротких штанишках и черной свободной майке она никак не тянула ни на свой возраст, ни на прилежную прихожанку.

– Слушай, тетя Люсь, а нас пропустят? – засомневался Евграф.

– Я что, как-то не так выгляжу? – Она мельком глянула на себя в зеркало, удовлетворенно кивнула, подправила непокорную прядь.

– Ты – супер! Только на прихожанку не похожа.

– Это лучший комплимент, какой может услышать женщина в моем возрасте! – хохотнула тетка.

У подъезда по свежeproполотому палисаднику перемещалась с лейкой общительная Марья Гавриловна. Евграф понадеялся, что ее потянет на разговоры и походная идея тихонько скончается. Но Марья Гавриловна, несомненно, была в курсе тонкостей посещения Херсонеса. Она только махнула и заорала, хотя находилась всего в двух шагах:

– Шо, Люсь, пошли?

– Пошли, Марь Гавриловна! – так же содержательно ответила тетка, свернула на короткую кипарисовую аллею, но, сделав пару шагов, остановилась и широко, словно в мультике про былинных богатырей, повела рукой: – Смотри!

Солнце уже перевалило через зенит, и его лучи падали как раз под таким углом, чтобы выгодно высветить полуразрушенные стены, арочные проемы, зажечь купол собора. На втором плане серебрилось море.

– Ну что, проняло?

Евграф молча кивнул.

– Чего ж тогда молчишь?

– А мне что, как девчонке, визжать и прыгать от восторга? – буркнул он.

– Ах да, как я забыла... Красоту ведь должны замечать только девчонки!

– Теть Люсь, женщины совсем другие существа. Это нормально, когда вы машете руками и скачете, как кузнечики. А для мужчин такое поведение – стыдно. Как вы этого не понимаете?

– Кто это – вы?

– Женщины – мама и ты тоже.

– Ладно, мужчина! Побежали, а то потом не пропустят.

Протрусив метров триста, они проскользнули мимо отмеченной бейджиком контролерши. Евграф на всякий случай скорчил благообразную рожицу, но тетя Люся коротко бросила: «Привет, дорогая!» – и они оказались за воротами, где уже стояла группка странноватых на вид пожилых женщин.

Евграф, представив себя в их компании, перешел в наступление:

– Тетя Люся! Я что – баран на веревочке? Ты вообще представляешь, как мне с вами идти на эту вашу биоэнергетику? Мне раскопки хочется посмотреть, понятно? Я, может, этой вашей биоэнергетикой вообще не собирался...

– Стоп, стоп, стоп! – Тетка демонстративно заткнула уши. – Эта наша биоэнергетика тебя подождет. Иди.

Позиции были сданы настолько легко и стремительно, что Евграф, поперхнувшись словами, сник.

– Ну, почему затих? Объяснил – тебя поняли. Погуляй, посмотри. Надоест – милости прошу!

– А как вас найти?

– Увидишь высокие колонны на развалинах, правее – кусты. Там мы в тенёчке и занимаемся. Оревуар!

Да-а-а... Тетя Люся все-таки была удивительнейшей личностью! Может, зря он прозвал ее «эзотеричкой»? Ведь почему-то, старшая из сестер, она казалась значительно моложе мамы.

* * *

Как странно оказаться на улицах, проложенных более двадцати веков назад! И вообще, два тысячелетия – это сколько? Неужели люди, жившие тогда, ходили на туристов, заглядывающих теперь в останки их домов? Неужели они тоже ели, пили, растили детей, веселились,

грустили, строили интриги и планы, мечтали, делали глупости, пели, танцевали, сплетничали, любили?..

Что успевают понять те, кто сбиваются в небольшие, бегущие по раскопкам кучки? «Посмотрите налево, посмотрите направо...» Наверное, в такие места нужно приходиться, как минимум, дважды. Сначала – почувствовать, раствориться. Потом – узнать, изучить, понять.

Евграф стоял на лестнице. Современной обычной лестнице. Ею заканчивалась реальность. Дальше шли равномерные, насколько хватало глаз, квадраты, образованные полуразрушенными стенами построек древнего Херсонеса. Теперь они были невысоки и вряд ли могли скрыть стоящего в полный рост мальчишку. В небольших одинаковых двориках досыхала привычная к соли и солнцу трава, кое-где шевелили мелкими листиками кусты. Рядом надрывалась цикада.

Евграф сбежал по ступенькам, дотронулся ладонью до камня.

– Горячий... Скелет...

Останки стен и впрямь напоминали скелет. Без кожи и мышц, съеденных ненасытным временем.

Романтики исследования хватило ненадолго. Не прошло и часа, как отсутствие знаний о древнем городе лишило постройки какой-либо индивидуальности. Дальше стало просто скучно.

– Видимо, придется заняться биоэнергетикой, – сообщил очередной стене Евграф, вздохнул и, отыскав глазами колонны, о которых упоминала тетя Люся, пошел «сдаваться».

* * *

Девчонка выглядела круто. Все остальные – в основном пожилые и не очень спортивные женщины, сидящие кружком с закрытыми глазами, – как-то стыдно. А она – что надо! По крайней мере, Евграф свои ноги в «лотос» точно бы не сложил. И спина у нее была прямая, и вся она казалась тоненькой, устремленной вверх, хотя сидела на земле, на кусочке картона. Солнце, нашедшее лазейку между ветками небольшого деревца, зажгло пшеничные волосы, и они светились в окружающей тени вторым солнцем.

На появление Евграфа никто никак не отреагировал. Даже тетя Люся. Только молодой мужчина, расположившийся несколько обособленно, открыл один глаз, кольнул взглядом пришельца и снова погрузился в себя.

Сообразив, что эзотерики, возможно, именно в этот момент находятся в параллельных реальностях или думают, что где-то там находятся, Евграф на цыпочках прошел через их круг и опустился рядом с девчонкой. «Если она не подсмотрит, хотя бы в щелочку, кто рядом с ней сел, значит, такая же чокнутая».

В этот момент один глаз открылся. Любопытный, серо-зеленый. Второй не выдержал темноты и одиночества. Лицо засияло неудержимой улыбкой... В общем, какая уж тут медитация!

Евграф поерзал, устраиваясь, но его соседка заговорила – беззвучно, одними губами тщательно проговаривая каждое слово. Увидев, что ее не понимают, так же беззвучно прыснула в ладошку, двумя пальцами изобразила бегущие ноги, легко вскочила. Не понять было невозможно. Евграф поднялся и, стараясь не шуметь, двинулся следом.

Место, облюбованное группой Виталика, находилось в стороне от экскурсионных маршрутов. Археологи здесь еще не поработали. А горожане, не задумываясь, что под небольшим слоем земли лежит такой же древний город, использовали удобную тенистую территорию каждый в своих целях...

Девчонка проскочила мимо йога, целующейся пары и, убедившись, что ее спутник не отстает, шепнула:

- Иди сюда, под дерево.
- А эти? – Евграф кивнул на влюбленных.
- Ой, тут все время кто-нибудь целуется. Не обращай внимания. Ты кто?
- Евграф.
- Люсьенин, что ли?
- Почему Люсьенин? Тетку Люсей, Людмилой зовут.
- Да? Наши все «Люсьена» да «Люсьена». А я – Тася. Таисия. Но дед называет Тасей.

Я привыкла.

- Ты с ними давно занимаешься? – Евграф кивнул в сторону медитирующих.
- Ага. Целый год уже.
- Зачем?
- Секрет.
- Получается?
- Пока не очень. Виталик как начинает перечислять, *что* мы обязаны ощущать!.. О-о-о! – Тася развела пошире руки.
- А конкретно? Просвети. А то я не в теме.
- Ой, ну поля там всякие. Плотности, цвета... Покалывания в ладонях, тепло чтобы проходило. Он начинает после упражнений спрашивать, у кого что было. Все кивают, только я – ничего!
- Зачем тогда, если совсем не получается?
- Ты считаешь, когда что-то не получается, сразу бросать нужно?
- Ну... не так глобально...
- Я не брошу. Не могу. Мне нужно...

– Зачем?

– Есть причина...

– Меня в первом классе на скрипку отдали. Я попил год и понял: не мое.

– Может, мало пилил?

– Вполне вероятно. А этот ваш инструктор, гуру или как вы там его зовете... Сам-то он что может?

– Виталик все чувствует. И энергии, и даже мысли. Только не особо хвастает. Про мысли мы вообще случайно узнали. К нам в группу парень пришел. Странноватый такой. На пару занятий сходил, а потом стал про Виталика говорить, что тот – мошенник, сам ничего не умеет, а с нас деньги тянет... Виталик и показал. Попросил меня ассистировать. Я молча думала, а он рассказывал – о чем. Все сошлось! Потом десять копеек нашел. Мы их специально спрятали. Правда, здорово?

– Наверное. Если честно, мне всегда казалось, что все эти экстрасенсы... В общем, врут они всё.

– Все врут?

– Ну, не знаю... Вон тетя Люся. Как начнет языком молоть! А что она может? По существу, ничего.

– Что ты, Люсьена хорошая! Веселая и добрая. Меня всегда чем-нибудь угощает...

– Мама сначала, когда узнала, что ее переключило, так орала по телефону! «Безбожница!» и все такое. Не хотела меня в Севастополь отпускать на каникулы, хотя уже договорились. Понимаешь, у отца командировка в Германию. Он физик, новыми материалами занимается. У них с немцами какие-то совместные исследования. Мама с ним едет. Я думал, один лето переживу, не маленький же. Но мои уперлись: «Ребенок без присмотра в городе! Вдруг что случится!» И тут тетя Люся со своими заморочками.

– Почему-то многие думают, что мы чертовщиной занимаемся.

– Знакомо! Теть Люся когда приехала, мама на нее сразу набросилась: «Я вот на фитнесе мышцы тренирую и худею. А ты что тренируешь на своих шабашах?»

– Шабашах?

– Люся маме: «Я не ведьма, чтобы от сестры такое слушать. А тренирую, как и ты, тело. И душу, которую ты развивать ленишься». Мама ей: «Душа в театрах и концертных залах развивается!» – «Не развивается, а убажается. Пользуется тем, что другие создали. Вот если бы ты сама ту музыку сочиняла...» В общем, они друг на друга орал, пока папа их не растащил и не помирил.

– Интересно, что он им сказал? У нас, когда споры на такие темы, никто никого не слышит.

– Нормально сказал: «Раз Бог подарил возможность некоторым людям уметь больше других, значит, это норма. И к ней надо стремиться. Все святые были в этом плане очень даже продвинуты. Кто-то почитает Будду, кто-то Аллаха, а кто-то вообще считает себя атеистом. И тем не менее среди них есть очень достойные люди!»

– Какой у тебя папа! Надо же!..

– Какой?

– Умный.

– Но Люся тоже загнула. «Хочу, – говорит, – научиться сама Бога понимать и благодарить, а не слушать, что другие рассказывают. Разве я этим Его обижу?» Представляешь?

– Да, Люсьена молодец... Евграф, ты в каком городе живешь?

– В Москве.

– Здрóрово! Я никогда в Москве не была...

– Сейчас на занятия вернешься? – Спрашивая, Евграф очень надеялся, что неспособная к телепатии Тася все же почувствует его желание.

– Не сегодня. Если хочешь, давай по Херсонесу погуляем. Правда, из меня гид не очень. Зато покажу места силы, о которых туристам не говорят.

– Тогда откуда знаешь?

– От Виталика. Да ты и сам увидишь: там всегда люди толпятся. И во Владимирский собор ходим. И к туманному колоколу.

Зря Тася так принижала свои таланты. Телепат из нее получился отменный. Евграф вскочил и, как это всегда делал папа, протянул «даме» руку. Она хлопнула ресницами, подала свою. Без всяких: «О! Ты настоящий джентльмен!» – и прочей девчачьей ерунды. Ладонь, несмотря на жару, была чуть прохладной и... приятной.

– Ты чего?

Евграф сообразил, что так и стоит, не отпуская Тасиной руки.

– Ничего... Показывай свой Херсонес. Кстати, Херсонес – это по-русски что?

– «Полуостров».

– Я ожидал чего-нибудь... поэтичного. «Город ласковых ветров», «достойный восхищения»... Ну, что-то в этом роде. Греки все-таки.

– Почти в точку. У нас Севастополь – «достойный поклонения».

– Супер! Восхищения, поклонения... Будем считать, что я уже ясновидец.

– А для Херсонеса «полуостров» – нормально. Здесь с одной стороны бухта, с другой – бухта. По суше идет оборонительная стена. Вообще можно было островом называть.

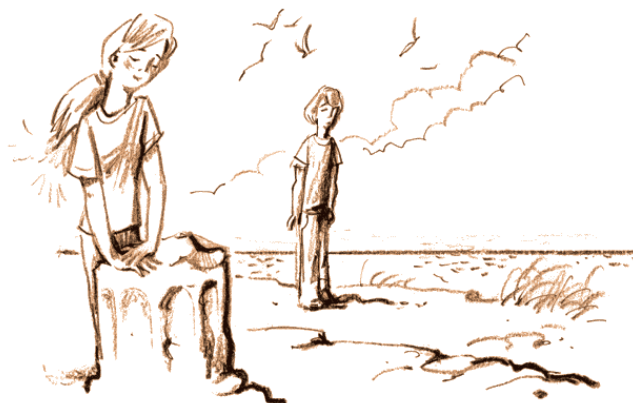
Разговаривая, они выбрались на одну из центральных, хорошо протоптанных дорожек. Тася огляделась.

– Даже не знаю, с чего начинать. Давай на колонны посмотрим. Они рядом.

Евграф был согласен на всё. Мимо колонн он уже пару раз проходил, но прогулка с Тасей – совсем иное дело.

Колонны возвышались над развалинами, напоминая о том, что когда-то вокруг были не только уложенные друг на друга унылые камни.

Тася вскочила на парапет, прислонилась щекой к белому мрамору. Ветер подхватил ее волосы. Они полыхнули косматыми протуберанцами.

– Представляешь, пару тысяч лет назад здесь ходили дамы в длинных платьях – туниках, кажется...

– И мужчины точно в таких же платьях. Тогах, кажется.

Тася засмеялась и, продолжая игру, произнесла с невообразимым акцентом: «Ах-ах, сударь, как мне понравился ваш фасончик!»

– У тебя машина времени не туда вырулила! – хмыкнул Евграф. – И с географией проблемы! Ты Рим и какую-то средневековую Францию показываешь!

– Откуда мне знать, как нужно изображать Херсонес? Его, между прочим, миллион раз перестраивали. В античный театр вообще храм втиснули.

– Зачем? Места, что ли, мало?

– Не места, а камней... Если честно, мне все эти древние какими-то... простачками представляются.

– Почему?

– А ни техники тебе, ни транспорта, ни сложных деловых взаимоотношений. Поэтому люди – как дети.

– Не думаю. Они же строили! Ваяли! Изучали. Возьми хотя бы медицину.

– Легко сказать – возьми. Я, кроме Гиппократ^[23] никого не знаю.

– Ладно, про медицину не будем. Легенды Древней Греции помнишь? В школе проходили. Мне нравилось.

– Мне тоже. Нам историчка прямо на уроках читала. Евграф, а ты как учишься? Я – средненько.

– А я – лучше всех! – Он произнес с вызовом, ершисто.

– Ну и учишь себе. Чего завелся?

– У нас таких не сильно любят.

– Знаешь, мне как-то без разницы. Если человеку нравится учиться – его дело. Если же он из-за оценок надрыгается, тогда конечно... вся эта учеба ему до фонаря... Пойдем теперь к колоколу.

– Расскажи о Херсонесе, – напомнил Евграф.

– Только не обижайся, если навру. Просто что-то слышала, где-то читала.

– Говори, говори!

– В общем, когда его построили, не знает никто.

– Почему? Разве не осталось записей?

– Почти... Считают, что Херсонес основали греки примерно в пятом веке до нашей эры. У них в Греции всякие распри начались. Часть людей перебралась в Таврику. Несколько веков город простоял, а потом все кому не лень начали его перестраивать. Одни дома и храмы

рушили, другие на том же месте возводили. В результате никто точно не скажет, что было в самом начале.

– А колокол? – Евграф посмотрел на два каменных столба, вознесших над морем чугунового исполина.

– Колокол вообще к тому времени не относится. Он туманный.

– Что значит – туманный?

– Во время тумана звонили, чтобы корабли на берег не налетали.

«Сей колокол вылит... святого Николая Чудотворца в Таганроге] из турецкой артиллерии весом... пуд 1776 года месяца августа... числа», – прочитал Евграф. – Ну понятно. Херсонес тут ни при чем.

– Колокол после Крымской войны во Францию увезли и повесили на соборе Парижской Богоматери. А потом вернули. Представляешь, ночь, туман, а кто-то стоит здесь и – бом, бом, бом!

– Ага. И шторм. И луна полная.

– И ведьмы на метлах...

Тася прыснула первой.

– Давай под колоколом в тенечек встанем, я тебе одну штуку про Херсонес расскажу. У них деньги на всякие там стены, водоводы, храмы давал народ. Это я, кстати, читала. Так вот, собирается народное собрание. Самый главный ведущий кричит: «Нужно строить...» Храм, например. «Кто даст денег?» Предположим, все молчат.

– Можно понять.

– Ничего не можно. У них богатых тоже пруд пруди было. И тратиться на что-нибудь нужное было очень почетно. Так вот, если никто раскошелиться не хотел, тогда богача мог назвать кто-нибудь из собравшихся. Например, я говорю: «У Евграфа денег куры не клюют. Он вполне может дать на храм».

– А сама что же?

– О, сама!.. Ты подожди, слушай... Ты, предположим, не хочешь давать, поэтому сидишь мышкой, помалкиваешь. Или вправду деньги закончились. Тогда ведущий собрание у тебя спрашивает, действительно ли ты в состоянии оплатить строительство храма. После этого выхода два. Или ты все-таки платишь, или говоришь, что не можешь. Тогда, раз я тебя назвала, нас обязывают поменяться имуществом. Представляешь! И теперь оплачивать строительство храма буду я!

– А говоришь, древние были простачками!

– Ну, это же только так кажется. Пойдем теперь во Владимирский собор. Я когда в него захожу, мне всегда взлететь хочется. И наши тетеньки в группе то же самое говорят. Виталик рассказывал, что на месте этого собора был другой – в форме креста. Вот его, наверное, сам князь Владимир видел. Может, и крестился там. Потом уже сверху собор выстроили. Но часть древнего храма осталась. Мне всегда так странно на это смотреть: прямо в современном зале – старые стены.

– Слушай, Тася, а откуда известно, где князь крестился? За ним что, летописец по пятам ходил?

– С ноутбуком! В том-то и дело, что все неточно. Помнишь «Повесть временных лет»? Там написано, что крещение было в древнем городе, в церкви на главной площади с базаром. А та это церковь, которую потом собором накрыли, или не та... Пойдем, остатки покажу. Ты такого нигде больше не увидишь.

Остов старинной святыни прорастал из пола святыни современной в красивый, с иконами и настенной росписью, зал. Евграф коснулся каменной кладки – холодной и... одинокой. Тысячелетия...

– Собор построили в девятнадцатом, кажется, веке, – уже на улице продолжила Тася, – а фашисты во время войны его почти полностью разрушили. Они тут вообще так нагадили! Колонны разбили, повалили. Представляешь, столько лет древний город простоял, а пришли какие-то варвары и все испоганили. Дедушка рассказывал, что деньги на восстановление собора по всему городу собирали. И все давали. Так что этот собор – наш, общий... Пойдем теперь на места силы.

– Тась, ты объясни мне, несведущему, о какой силе речь?

– Сама не знаю. Про нее Виталик говорит. И еще некоторые наши. Будто бы там, в пространстве, какая-то особенная энергия. Кто рассказывает, что она плотная, кто – теплая или, наоборот, холодная. В общем, я, когда сама научусь ее чувствовать, смогу объяснить.

– Хорошо, пусть теплая, холодная. Но откуда она взялась? Почему не везде одинаковая?

– Потому что земля не одинаковая. Разломы всякие, нагромождения камней, подземные реки. Если в каком-то месте произошли очень важные события, люди тоже это ощущают. Я тебе сейчас одно такое место покажу. Многие считают, что князь Владимир крестился там, а не в церкви, на остатках которой собор построили.

Скоро Тася указала на небольшую ротонду.

– Вот. Пришли.

Евграф недоверчиво уставился на круглую беседку с металлическими колоннами и не особо нарядным куполом.

– Ты считаешь, здесь мог креститься князь? Прямо так, на улице?

Тася засмеялась:

– Ой, нет, конечно! Это все недавно соорудили. Тут раньше огромный баптистерий был, и...

– Чего? Чего... стерий? – Евграф попытался ухватить незнакомое звучание. – Ты вообще откуда все эти словечки знаешь? Специально заучивала?

Тася пожала плечами.

– Да как-то так получилось. То экскурсии, то Виталик... А что? Все просто. Баптистерий – это место для крещения. Храм с купелью. Все говорят, что здесь самая сильная энергетика. Попробуй, вдруг что-нибудь почувствуешь.

– А ты?

– Я – полный ноль.

«Свято место пусто не бывает», – вспомнил Евграф. Народу здесь действительно хватало. Причем о чудесных свойствах площадки внутри ротонды, судя по закрытым глазам, вытянутым вперед или вверх рукам, молитвенно шевелящимся губам, были осведомлены все. Некоторые из «паломников» понимающе кивали, перешептывались, кто-то молча внимал пространству.

«Ну не может же такого быть, чтобы я ничегошеньки не почувствовал!»

Мысль казалось вполне логичной, но теория, как часто с ней случается, не совпала с практикой. Все старания уловить хоть какие-то изменения внутри или снаружи не привели ни к чему: ладони не горели, не кололо в пальцах, и вообще разочарованный организм сохранял полную безмятежность.

– Слушай, Тась, я, наверное, урод, раз ничего не чувствую?

– Тогда мы друзья по несчастью. – В ироничном ответе было что-то такое, отчего Евграфу снова захотелось спросить, зачем все это Тасе нужно. – Ладно, когда-нибудь научимся... Знаешь, пошли лучше к морю. Что-то мне надоело быть гидом!

* * *

Пляж на раскопках не считался городским: ни ограждений, ни волнорезов, ни спасателей, ни ларьков. Возник он стихийно и, какую бы войну ни объявляла ему администрация музея-

заповедника, сдаваться не собирался. С раннего утра его заполняли люди, и отдыхал пляж, да и то не всегда, только ночью.

Став босыми ногами на отшлифованные штормами валуны, Евграф сообразил, что именно об этом берегу говорил в поезде Виктор Павлович. Гладкие окатыши красной и оранжевой черепицы, небольшие осколки какой-то глиняной утвари – все это было здесь и, наверное, в воде.

– Слушай, Тась, как бы тут с маской понырять? У тебя нет, случайно?

– Была, да сплыла. Дала однокласснику, он стекло разбил.

– Эх, жалко! Я в поезде разговаривал с одним человеком. Он видел на дне столько всего!

На три музея хватит.

– Скажу деду, может, он даст денег на новую маску. – Тася побултыхала ногой в воде. – Теплая! – И, неожиданно толкнув Евграфа, засмеялась, предусмотрительно отскочила, нырнула.

– Ну всё! – Он, не заботясь, что его не слышат, погрозил кулаком и почти в точности повторил движения заигрывающей с ним девчонки.

В воде открыл глаза. Белые Тасины пятки мельтешили впереди. Внизу было дно. Настоящее морское дно с колышущейся бурой морской травой, плоской рыбиной, выползшим из расщелины небольшим крабом, студнеподобной медузой. Ух! Вот оно, лето! Вот они, настоящие каникулы!

* * *

Они проныряли часа полтора, пока Тася не осознала, что солнце тоже готово нырнуть в ставшую глянцево-черной воду.

– Ого, стемнело! Дедушка будет волноваться. – Махнув рукой на прощание, она направилась к берегу.

Выросшая у моря, Тася плыла здорово – красиво и стремительно. Когда Евграф коснулся ногами дна, девочка уже стояла одетая.

– Я еще бы поплавала, только обещала, что вернусь не слишком поздно.

После водной невесомости тело казалось тяжелым, неуклюжим, а приставшая к ступням мелкая галька – острой и колючей. Евграф доковылял до сложенной на плоском камне одежды. Прыгая на одной ноге, второй попытался попасть в липнущую штанину.

– А завтра?

– Что – завтра?

– Завтра придешь?

– Без проблем. Только сначала позанимаюсь с Виталиком. Ты тоже приходи.

– Дался вам с тетей Люсей этот Виталик!

Тася вздохнула, глянула на почти погасший горизонт, на выползающую из него луну. Снова вздохнула.

– Садись...

– Зачем? А домой?

– Успеем. Я тебе сейчас кое-что скажу, только ты не думай, будто я чокнутая. Ладно?

– Постараюсь.

Тася опустила на камень, уткнулась подбородком в острые коленки.

– И не перебивай. Я об этом еще никому не говорила. Только тебе.

– Почему? Почему только мне?

– Потому... В общем, слушай быстро. Я живу с дедом. Он очень хороший, добрый. А папа и мама... Их нет.

– Развелись?

– Н-нет. Два года назад мы с друзьями на машине поехали в Карпаты. Папа и дядя Леша вели по очереди. Дядя Леша уснул за рулем. В общем, выжила только я. – Тася всхлипнула.

Евграф растерялся: что положено говорить в таких случаях, он не знал.

– Меня сначала хотели в детский дом отдать, даже документы оформили, но дед не позволил.

– Тась...

– Только не говори, что тебе меня очень-очень жалко. Сама вижу. Мне тоже себя жалко.

Но я придумала...

– Что?

– Понимаешь, в одной статье было написано, что есть люди, которые обладают особыми способностями и могут общаться с душами... тех людей, которых уже нет. Я придумала развить у себя такие способности, чтобы поговорить с мамой и папой. Или хотя бы узнать, что они живут где-то там. Что им хорошо. И что мы когда-нибудь обязательно встретимся.

– А тебе не страшно?

– Нет. Они же мои родители! В общем, потом я начиталась всякого. Оказывается, эти способности бывают врожденные и приобретенные. Ты понимаешь? Приобретенные! Потом случайно узнала про Виталика. Только у меня пока ничего не получается.

– У тебя обязательно получится! – Вряд ли Евграф верил в собственное обещание, но отмолчаться было невозможно.

– А вот сейчас ты, Евграф, врешь. Это и без способностей понятно.

– Просто, понимаешь, все это мистика какая-то. Никаких энергий я не чувствую, ты тоже. Кто-то утверждает, что умеет. Виталик ваш, например. Но когда сам – полный ноль, в это трудно верить.

– Виталик как-то рассказывал, что если медитировать на полную луну в месте силы, например здесь, в Херсонесе, то способности развиваются намного быстрее. Как ты думаешь?

– Пока никак. Хотя если все эти ваши разговоры об энергиях не сказка для доверчивых тетенок и девочек, то где же способностям еще развиваться, если не в особых местах и особых условиях?

– Ну ты и формулируешь!

В голосе Таси он уловил уважение и, смутившись, поскорее пошутил:

– Станешь ведьмой, я тебе из Москвы именную ступу с метлой на день рождения пришлю. Будешь в гости прилетать!

– Дурак!

Дурак не дурак, а настроение у Таси опять было на высоте. Удовлетворенный своей терапией, Евграф поднялся.

– Тася, есть идея! Хочешь, я с тобой сюда ночью приду. Ты будешь медитировать, а я в сторонке подежурю.

Девочка резко развернулась. Ее глаза в лунных зайчиках были совсем рядом. У Евграфа незнакомо и приятно ухнуло сердце.

– Правда?

– Сказал же! Без меня все равно ничего такого не сделаешь. Опасно девчонке... одной... – Голос почему-то не слушался.

– Спасибо! – Тася на секундочку замялась, потом совершенно по-козьи подпрыгнула и чмокнула его в щеку.

И это было так... та-ак!..

* * *

Дома за опоздание не пилили: Люсьена оказалась нестандартной теткой.

Приглушив зверский аппетит яичницей с обязательными помидорами, Евграф прилег на диван. Быстро уснуть не надеялся: личная мельница в голове перемалывала дневные впечатления.

Уставившись в потолок, он дотронулся до щеки, нашел то место, в которое ткнулись Тасины губы. Потер. Понюхал. Пальцы пахли помидорами. Закрыв глаза, попытался представить, как Тася говорит «спасибо», как молчит, потом этот прыжок, и...

– Тварь! – В ногу кто-то укусил. Евграф поднял голову, присмотрелся – никого. Но место укуса чесалось и болело. – Тварь... – повторил, но уже задумчиво, и начал очередное погружение в приятные воспоминания.

Неприбитое насекомое тут же вцепилось в кожу чуть повыше. Потом еще где-то рядом. Скоро полноги горело огнем. Евграф вскочил.

– Теть Люсь!

Тетка, оторвавшись от книжки, заглянула в комнату племянника.

– Что, Графушка?

– Кто тут у вас так кусается? Вся нога чешется и болит.

– А-а, это москиты!

– Ты это так легко говоришь, словно москиты – приятная мелочь.

– Так мелочь и есть. Мошкара!

– Я из-за вашей мошкары уснуть не смогу. Она не мошкара, а кошмара!

– Форточку захлопни, простынку укройся – и уснешь, – пообещала тетя Люся.

Намереваясь последовать совету, Евграф поднялся, но, представив, как будет жарко и душно в закупоренной комнате под простынкой, составил на пол освобожденные от полиэтилена цветы, распахнул окно. Мошкой больше, мошкой меньше...

Человек рациональный, все высказывания по поводу южных ночей он до сих пор считал литературными играми. Для красоты надо, вот и пишут. Но Млечный Путь через зенит, луна – в отсутствие московских фонарей лимонно-желтая, яркая – изо всех сил доказывали, что стараются писатели не без основания. Прямо под окном на свежепрополотой грядке синели розы. Именно синели. Моря видно не было, но оно чувствовалось – запах, воздух, ветерок...

Евграф снова подумал о Тасе, мечтательно улыбнулся, зажмурился и так, совершенно не замечая времени, просидел около часа.

За это время тетя Люся начиталась, тихонько заглянула в комнату. Увидев, что племянник находится дома лишь наполовину, а вторая, верхняя, высунута на улицу и, судя по отсутствию реакции, пребывает в нирване, тетка решила не приставать к ребенку и легла спать.

Она не учла одного: в четырнадцать лет в голову человека, встретившего классную девочку, могут прийти любые умные и не очень умные мысли.

Было за полночь, когда Евграф прикрыл окно, обулся и выскользнул из дома. Вдыхая запах моря и роз, он вдруг осознал, что луна, на разглядывание которой убито столько времени, полная именно сегодня. Завтра одна из щек кругляка похудеет, и эксперимент по обретению экстрасенсорных способностей, так хорошо задуманный, перенесется на месяц. А там, по закону подлости, испортится погода. Потом каникулы закончатся.

Оставалось одно: провести эксперимент без Таси. Если результаты окажутся хоть чуть-чуть положительными, Евграфу, принесшему благую весть, будет подарено дополнительное внимание. Если же рассказы про места силы – чушь собачья, тогда... А ничего тогда. Интересно, и всё!

* * *

Ночью на пустынной улице было неуютно. Борясь с желанием оглянуться, Евграф пробежал кипарисовой аллеей, но, увидев на воротах замок, понял, что здесь он не пройдет. Впро-

чем, в любом заборе всегда найдется хотя бы одна нормальная дыра. Здешний не был исключением.

Дневной Херсонес значительно уступал Херсонесу ночному. За каждой разрушенной стеной в густом чернильном мраке пряталось *ничто*. За каждым поворотом залитых лунным светом улиц мерещилось что-нибудь из разряда телеужастиков. Промелькнувшая совсем близко летучая мышь заставила Евграфа вздрогнуть и даже присесть. Хорошо, некому было заглянуть в вытаращенные от страха глаза и услышать, какую чечетку отплясывают зубы.

– Уделаться можно! – проворчал он и почти побежал к ротонде, выступившей наконец из темноты.

Обойдя вокруг ограды, Евграф опасливо огляделся, коснулся остывшего за вечер металла: «Как-то здесь не слишком уютно!» Впрочем, отступать было глупо. Но еще глупее изображать из себя экстрасенса. К страху добавилось острое чувство стыда. Евграф вознес к небу руки, пытаясь поймать хоть толику тех ощущений, о которых говорила Тася. Единственное, чего он добился, – боли в голове. Спohватившись, что нужно не просто медитировать, а медитировать на луну, он нашел достаточно удобный плоский камень, сел, замер...

Минут через двадцать созерцания земного спутника Евграф мог нарисовать его в подробностях. И даже с закрытыми глазами. Но факт оставался фактом: с организмом не происходило ничего экстраординарного. Даже если бы вокруг толпами бродили души всех древних херсонеситов, желая посмотреть на комедию, Евграф бы их не заметил.

– Придурок!

Он встал и быстро пошел обратно к выходу. Неудача не слишком разочаровала. Уже хотя бы потому, что в положительный исход эксперимента не верилось изначально. Никто не разговаривает с ушедшими из жизни людьми. И Тасе придется с этим смириться. Зато на днях он предложит ей ночную прогулку по Херсонесу, и это будет самым грандиозным приключением этого лета. Да что лета – жизни!

А дальше произошли те события, которые обычно и рвут на мелкие кусочки идеально выстроенные планы. Сначала Евграф замечтался, представляя, как они с Тасей плывут по лунной, похожей на рыбы чешуйки водной дорожке. Затем почти по уху чиркнула летучая мышь. Он отшатнулся, нога подвернулась. Падая, Евграф ударился виском о каменную кладку... Луна погасла. Море замолчало. Ветер исчез. Время остановилось.

* * *

Запустил его часы мальчик. Замотанный в кусок ткани, в кожаных сандалиях с совершенно невообразимыми ремнями, опутывающими ноги. Он возник из ничего, глянул радостно, даже возбужденно, и громко произнес:

«Слава богам Олимпа! Наконец-то я нашел преемника!»

Пробудил Дионисия ясный, солнечный звук кифары. Не желая открывать глаза, он попытался отгадать, кто это играет у них в доме. Загадка оказалась неразрешимой. Глаза пришлось открыть.

То, что перед ним предстало, явно не было его комнатой. Рядом с ложем стояла совершенной красоты трапедза. Три серебряные изящные олени ножки этого стола заканчивались серебряными же копытцами. Такой предмет не мог находиться в небогатом доме семьи Гераклеона. На трапедзе стоял массивный кратёр, рядом лежал киаф. Мозаичный пол ярок и чист. В углу располагался большой красивый сундук. Грациозные фигуры дев на его стенках, выполненные из слоновой кости, также свидетельствовали о немалом достатке хозяина. В другом углу, ненужная в это время года, на витой ножке возвышалась жаровня.

Дионисий потянулся к киафу. Ковш, приготовленный для разлива разбавленного в кратере вина, оказался пуст. Мальчик судорожно сглотнул. Взгляд Дионисия упал на собственные руки. В ссадинах и синяках, обтянутые сгоревшей на солнце кожей, тощие, костлявые, они обязаны были принадлежать кому-то другому. Дионисий пошевелил пальцем. Палец дернулся. Значит, это его палец. Что же произошло? И где он находится?

Мальчик приподнялся на локтях, не без труда сел. Может, нужно крикнуть, позвать того, кто поместил его в эту красивую комнату? О! Это, наверное, Епифаний! Впрочем, жилище старого жреца тоже не блистало роскошью.

Дионисий попытался встать. Ноги, крепкие ноги, никогда не доставлявшие юному телу никаких проблем, теперь не хотели держать.

Поднявшись лишь со второй попытки, пошатываясь, Дионисий двинулся на звуки кифары.

Когда он вошел в соседнюю комнату, начинающий лысеть человек отложил инструмент, глянул непонятно, пристально.

Удивляясь, почему молчат способности, позволяющие видеть глубже обычного, Дионисий сделал шаг в направлении мужчины и только сейчас разглядел рядом с ним ожерелье. Мамино ожерелье. В глазах потемнело, уши разорвал последний истошный крик Дайоны, и...

Яркий солнечный луч пробился сквозь веки. Дионисий открыл глаза. Рядом, мучая нос неизвестным резким запахом, находилось... нечто. Невероятно гладкое, как поверхность воды, которой не касался ветер, красное, самое красное из всех оттенков этого цвета, оно опиралось на черные с блестящей серединой... колеса. Через мгновение красное раскрылось и выпустило девушку. Глаза девушки прикрывали два темных... щита. Странная одежда была настолько скудна, что казалось, будто ее нет вовсе.

Взгляд переместился, и Дионисий еле сдержался, чтобы не закричать. Горизонт закрывали огромные белые кубы со множеством одинаковых дыр. «Дома!» Догадка казалась невероятной, бредовой, но сомневаться в ее верности не приходилось. Дыры, затянутые чем-то таким же прозрачным, как воды Понта, несомненно, служили бойницами или окнами. А вокруг толпились люди: мужчины, женщины, дети. Удивительно одетые, они проходили мимо, разговаривали...

Совершенно потрясенный, мальчик стоял посреди чужой жизни, все больше и больше уверяясь в том, что боги позволили ему увидеть Олимп. Или Аид.

В какой-то момент уши уловили далекий звук. Рокошущий, тревожный, он стремительно нарастал. Дионисий забеспокоился, завертел головой, пытаясь отыскать источник, и вдруг уви-

дел мальчика. Тот, задрал голову, показывал пальцем вверх. Дионисий поднял глаза. Сердце ухнуло. Над головой летело... летела... «Горгона^[24]!» Понимая, что опоздал, что именно в этот момент его живое тело превращается в холодный бездушный камень, он зажмурился, и...

Дионисий ощутил теплое, мягкое прикосновение чьей-то руки на своем лице.

– Можешь не волноваться. Слава Асклепию, мальчик совершенно здоров. Видимо, ослабевшее тело на время отпустило сознание на волю, дабы восстановиться в одиночестве.

– Слава богам!

– Когда он очнется, давай ему почаще мой отвар, корми, пои красным вином с виноградников Херсонеса. Вот увидишь, не пройдет и трех дней, как мальчишка встанет на ноги.

Послышалось шуршание материи, почти неразличимые шаги... Дионисий открыл глаза.

Над ним склонился тот самый человек, которого он видел играющим на кифаре.

– Горгона! – вместо ожидаемого крика получился досадно немощный шепот.

– Горгона? Ты имеешь в виду горгону Медузу? Но посмотри внимательно: здесь никого, кроме тебя и меня, нет!

Не меняя положения головы, Дионисий одними глазами обвел знакомую уже комнату.

– Убедился? Так почему же ты заговорил о Горгоне? – продолжил допытываться мужчина. В его вопросе кроме тревоги угадывался неподдельный интерес.

– Я видел ее только что. Она пролетала в вышине и шумела, как... как пчелиный рой. – Объяснение страдало отсутствием какой-либо уверенности.

– Но ты же не заглянул Медузе в глаза?

– Наверное, не успел, раз еще жив.

Мужчина засмеялся раскатисто, сочно и совсем не обидно.

– Надеюсь, после хорошего обеда тебе больше не будут сниться горгоны.

– Так я спал?

– Сознание на время покинуло твое тело. Сейчас оно вернулось, но ты еще слаб. Раб поможет совершить трапезу. А потом, когда ты достаточно насытишься, мы поговорим. Но ответы на два вопроса я хочу услышать немедленно. Назови свое имя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Айд – один из олимпийских богов, владыка подземного царства мертвых, а также само это царство. Представление об устройстве айда с течением времени менялось. Согласно поздней традиции, путь в аид охраняет трехглавый пес Кёрбер (Цёрбер). Души умерших в царство Айда через реку Стикс перевозит угрюмый старик Харбн, беря за работу плату в один оббл (мелкую монету). Тени умерших блуждают по асфодéлевому лугу (асфодэль – дикий тюльпан). Мрачные глубины айда – Эрэб и Тárтар. На елисейских полях, где избранные души проводят без печали и забот свои дни, царит вечная весна. В айде протекает река Лёта. Души умерших пьют из нее воду и забывают свою прошлую жизнь.

2.

Понт Эвксíнский («Гостеприимное море») – Чёрное море, для греков имевшее важное экономическое значение.

3.

Керкинитида – древнее поселение, основанное греками не позднее втор. пол. VI в. до н. э. Остатки ее открыты на месте современного г. Евпатория (Крым), на Карантинном мысу. Долгое время поселение входило в состав Херсонесского государства. В течение III–II вв. до н. э. Керкинитида не раз подвергалась нападениям скифов и в конце концов была ими захвачена. Вероятно, жизнь там прекратилась во II–III вв. н. э.

4.

Херсонёс – греческое поселение. Основан предположительно в V в. до н. э. Входил в цепь самостоятельных полисов (городов-государств) – греческих колоний по берегам Понта Эвксинского. Переводится, как «полуостров», «мыс». Расположен на части территории современного Севастополя. В III в. до н. э. политическая форма правления – демократия. Население – потомки греческих колонистов, тавры, скифы. Численность – около 10 тыс. человек

5.

Демётра – богиня плодородия, урожая, защитница общественного порядка. Олицетворяла умирающую и воскресающую природу, неразрывно связана с земледелием. Одна из самых значимых богинь в Херсонесе, где, по данным археологов, существовал ее храм и стояли статуи на агоре. Чтилась вместе со своей дочерью Персефоной, женой владыки подземного мира Айда, с которым та одну треть года проводила под землей, а остальное время – с матерью на земле. Многочисленные терракотовые статуэтки свидетельствуют о почитании богини в домашних святилищах, а инвентарь захоронений херсонесского некрополя отражает ее связь с культом мертвых.

6.

Тáврика – греческое название Крымского полуострова.

7.

Асклэпий – бог, покровитель медицины. По-видимому, в эллинистический период Херсонеса его главными почитателями были врачи, культ отправлялся в частном порядке.

8.

Артемидá – богиня-дева охоты и живой природы. Умела лечить, защищала супружество и деторождение. Была покровительницей диких животных. В ее честь назван месяц – артемизион. В Херсонесе ее чтили в разных ипостасях: Сотейры – защитницы, Партенос (Дева) – покровительницы города (см. соответствующую статью).

9.

Гелиос – доолимпийское солнечное божество, дарующее жизнь и наказывающее клятвопреступников. По представлению греков, Гелиос на солнечной колеснице, запряженной огненными конями, ежедневно объезжал небо и сверху видел все, что творится на земле. Упоминается в херсонесской Присяге вместе с Зевсом и Геей, которые у греков олицетворяли справедливость. Памятников Гелиосу в Херсонесе найдено мало.

10.

Гэя – богиня животворящей земли. Производительница и носительница всех живых существ на земле. О ее почитании в Херсонесе, кроме упоминания в Присяге, данных нет.

11.

Эрос (Эрот) – бог любви, всегда сопровождал свою мать, Афродиту.

12.

Платон (428 или 427–348 или 347 гг. до н. э.) – древнегреческий философ, ученик Сократа, учитель Аристотеля. Основал в Афинах школу. Основоположник философского учения платонизм. Оказал большое влияние на европейскую философию. Сочинения Платона – высокохудожественные диалоги.

13.

Сократ (469–399 гг. до н. э.) – один из самых знаменитых философов Античности. Учитель Платона. Сократ заставлял своих собеседников искать истину путем постановки наводящих вопросов. По навету был осужден выпить чашу с ядом. Для своих учеников был образцом человечности, стойкости, бесстрашия и справедливости.

14.

Пифагор (VI в. до н. э.) – древнегреческий философ, политический деятель, математик и мистик, основатель религиозно-философской школы пифагорейцев. Геродот назвал его «величайшим эллинским мудрецом».

15.

Партенос (Дева) – верховная богиня-покровительница Херсонеса, которая являлась одной из ипостасей богини Артемиды. Херсонеситы верили, что Партенос принимала участие во всех начинаниях общины, в первую очередь – военных действиях и политической жизни города. Эту гипотезу подтверждают многочисленные изображения на монетах, надписи на керамике, терракотовые статуэтки и др. Партенос был посвящен храм и сохранившийся мраморный алтарь. В честь ее устраивали празднества – партении (парфении).

16.

Гэстия – богиня домашнего очага и жертвенного огня.

17.

Скифы – древний народ, занимавший степи Северного Причерноморья от Дуная до Дона. Сформировали государство с сильной монархической властью и армией. В III в. до н. э. столица была перенесена в Неаполь (совр. Симферополь). Жили скифы в землянках, юртах; общественные постройки были по типу греческих. Войско составляла пехота и конница. Умели осаждать крепости, делали стенобитные машины. Скифское царство просуществовало до втор. пол. III в. до н. э.; уничтожено готами.

18.

Селéна – богиня луны.

19.

Эвтérпа – одна из девяти муз. Богиня лирической поэзии и музыки.

20.

Зевс – верховный бог Олимпа. Метал молнии, орошал землю ливнями. С ним связываются представления о начале государственности, порядке и морали. Вершитель мировых судеб. По-видимому, Зевс не занимал ведущего места в пантеоне Херсонеса, однако чтился как в частном порядке у домашних алтарей, так и от лица общины.

21.

Тáвры – племя, в античную эпоху обитавшее в горной части Крыма. Не раз совершали нападение на Херсонес.

22.

Симболóн – букв. «Сигнальная гавань». Возможно, так называли современную Балаклавскую бухту, один из районов Севастополя.

23.

Гиппокράт (ок. 460 – ок. 370 гг. до н. э.) – знаменитейший греческий врач. Считается основателем современной научной медицины. С именем Гиппократом связано представление о высоком моральном облике и образце этического поведения врача, потому выпускники медицинских учебных заведений дают Клятву Гиппократову.

24.

Горгóна Медúза – чудовище с женским лицом и змеями вместо волос, одна из трех сестер-горгон. Ее взгляд обращал человека в камень.